

НАЦИЯ

РОМАН

КСЕНОФОРБ

ЛЕВ ПУЧКОВ

Лев Пучков

Ксенофоб

Серия «Нация», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=288012

Лев Пучков. Ксенофоб: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-40291-5

Аннотация

Как получилось, что русский чувствует себя изгоем в собственной стране? Если общество и власть старательно делают вид, что такого вопроса не существует, молодежь сама пытается найти ответ на него. И, казалось бы, ладно, пусть себе ищет, – но зачастую эти пытливые поиски принимают самые ужасные и непредсказуемые формы. И тогда молодой учитель истории, проповедующий интернационализм и толерантность, становится отъявленным ксенофобом, а его друг – образцовый спортсмен и пример для всех городских мальчишек – безжалостным убийцей...

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	52
Глава 3	92
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Лев Пучков

Ксенофоб

У Вас в руках книга-размышление, книга-предостережение. Книга, которая заставляет задуматься. Книга, поднимающая одну из самых серьезных проблем в российской действительности – национальную.

Проблема сосуществования в одной стране, в одном городе, на одной улице граждан с различным вероисповеданием, различной культурой и менталитетом не была до конца решена в советские годы, а теперь же она воспалилась настолько, что угрожает целостности страны. Число конфликтов на национальной почве множится в геометрической прогрессии. Народы, населявшие некогда огромную могучую империю, заново ищут свои пути в современном мировом сообществе, заново учатся отстаивать свои национальные интересы. При этом они по-прежнему живут бок о бок с представителями других национальностей и вероисповеданий и вынуждены соблюдать правила общежития. Кому-то эти правила не очень нравятся. Кто-то теряет терпение. Кого-то переполняют обиды. Нерешенные вопросы наслаиваются друг на друга, образуют критическую массу, и вспыхивает конфликт. И как следствие – проливается кровь, рушатся человеческие судьбы.

Что ж, так будет всегда? Неужели нет никакого выхода,

кроме как развалиться России на десятки мелких национальных «княжеств», отделиться друг от друга колючей проволокой и минными полями?

Роман «Ксенофоб» впервые в современной литературе поднимает национальную проблему на столь высокий уровень. Это уже даже не вопрос «Что делать?». Это крик отчаяния. Это мольба. Это звон колокола.

Кого-то этот роман шокирует. Кто-то может с негодованием откинуть книгу от себя. Кто-то стгоряча решит, что роман выражает интересы исключительно оголтелых националистов.

Но давайте приглушим эмоции. Прочитаем. Попытаемся признаться самим себе, что это – правда, так было, так есть. Но так НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ! И попытаемся найти ответы на вопросы. Как ужиться в мире и добрососедстве «нашим» и «ненашим», «белым», «черным», «желтым»? Где найти ту истину, которая объединяет народы, а не разъединяет их? Как не увязнуть в шовинизме и ксенофобии? Как, в конце концов, остаться людьми и не превратиться в зверей?

От автора

Я знаю, что о случаях ненависти и жестокости на межнациональной почве может рассказать едва ли не каждый житель российских мегаполисов, потому вряд ли изложенные в романе события можно расценить как нечто из ряда вон выходящее.

Безусловно, все, что написано в этой книге, я выдумал – это роман, а не уголовная хроника. Но при создании романа я опирался на общеизвестные и общедоступные факты, взятые из открытых источников. Несколько ссылок на них прилагаю.

<http://www.youtube.com/watch?v=ob21aXXBJSI&feature=related>

<http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=730641>

<http://news.nswap.info/?p=21698>

http://newsru.ru/arch/crime/25sep2002/kavkaz_iznas.html

<http://www.gazeta.spb.ru/187116-0/>

<http://news.nswap.info/?p=23634>

http://www.youtube.com/watch?v=ix_TLOUiJ8k

<http://palm.newsru.com/crime/16jul2006/kirgizy.html>

<http://www.izvestia.ru/moscow/article3124980/>

<http://forum.dpni.org/forum/showthread.php?t=5329>

Глава 1

«...Я с большим уважением отношусь к вашему стремлению хоть как-то повлиять на ситуацию, но... Задумайтесь, недалекие бритоголовые братья мои, насколько эффективна ваша деятельность?»

Не так давно начальник Федеральной пограничной службы ФСБ России сообщил на конференции, что у нас в стране, по данным за первое полугодие 2008 года, насчитывается свыше 10 миллионов нелегальных мигрантов. Все мы прекрасно знаем: если власти подадут нам какую-то негативную статистику, можно смело умножить эту цифру на три. Умножили? А теперь посчитайте, сколько нерусского люда вы извели за последние десять лет и сопоставьте эти две цифры в процентном отношении.

Колоссальный результат, не правда ли? Рискуя показаться фривольным, не могу, однако, удержаться от сравнения: с таким же успехом, господа борцы за чистоту рядов, можно драть с лона любимой женщины по одной волосинке раз в год – и при этом с суровым выражением лица страдать ее тотальной эпиляцией...»

Пум-пум... Эмм... А, да, наверное, кое у кого может возникнуть вопрос: «И что это за грамотей тут окопался?»

Это я – Дмитрий Эдуардович Добросердов. Умница, обаяшка, редкостно перспективный кадр. Да чего уж скром-

ничать, давайте сразу начистоту: будущий Президент России. Есть, знаете ли, такая задумка. А если это покажется кому-то глупым и смешным, вспомните древнюю народную мудрость: «не боги в горшки отжигают...»

Я тут кое-что переделать хочу. Надоело жить в бардаке, надо бы немного порядок навести. Сейчас маленько возмужаю, окрепну, связями обрасту – и вперед. Помните совковый стишок: «Двадцать шесть их было, двадцать шесть!!!» – вот это как раз про меня, если опустить суть и рассматривать сугубо числовой контекст. Мне двадцать шесть лет, так что впереди вся жизнь, успею сделать много всего разного (а вот хорошего или плохого – это уж как получится).

Да, вот еще что. Для пущего успеха надо бы, конечно, какое-нибудь перспективное движение создать. В одиночку-то ведь никто еще до вершины Олимпа не добрался, верно? Там, наверху, полно пуленепробиваемых ворон с титановыми клювами: если отгонять будет некому – моментально заклюют. Так что, обязательно за плечами должна быть какая-нибудь банда – и чем круче, тем лучше.

Я работаю над этим: есть люди, направление, перспектива... И не беда, что люди – по возрасту совсем дети, и всего-то их двое. Дети имеют обыкновение быстро расти, а ряды правильного движения рано или поздно закономерно расширяются за счет сочувствующих (которых, кстати, уже сейчас минимум с полсотни).

Осталось только этому движению придумать название

«понароднее». Типа: «торчащие в месте». Хе-хе... Надо только определиться – в каком месте.

«...Итак, по эффективности мы определились. Теперь, досточтимые любители «гриндерсов», «бомберов» и готических шрифтов, рассмотрим не менее важный вопрос: насколько полезна ваша деятельность?»

Я изучил список убиенных вами иноземцев и нашел интересную закономерность. В этом списке нет НИ ОДНОГО: боевика, воевавшего против России; криминального «авторитета» или наркобарона; крупного чиновника, отставляющего интересы своих соплеменников на нашей земле; высокопоставленного мента или прокурора, кроющего бизнес родственной ОПГ; директора рынка-олигарха-миллионера-крупного-собственника.

То есть НИ ОДНОГО представителя вышеперечисленных категорий вы не тронули.

А кто есть в этом вашем списке? Вы удивитесь, но это сплошь дехкане и люмпены: дворники, грузчики, рабочие, мелкие торгаши и невесть как сюда затесавшиеся несколько врачей и учителей.

В связи с этим возникает закономерный вопрос. Вы, вообще, за кого?! Вы на кого работаете, дебилы вы х...головые?!

За каким подопуценным итруделем вы «мочите» пролетариат – пусть иноземный, пришлый и чуждый нам всем, но по сути своей – ваших же братьев по социальному положению (иными словами – по нищете)?

Вы почему за все время ни разу пальцем не тронули никого из реальных мразей, что вредят нам тут во все лопатки (читай выше – кто не вошел в список ваших жертв)?!

Это что за странное такое классовое размежевание? Признавайтесь, б...ди вы продажные: кто вам заказы оформляет?!.»

– Что-то тут у тебя того... Какие-то нездоровые перепады...

Это Федор Иванович Гусев. Знакомьтесь.

До сего момента он, раскрыв окно, сидел на подоконнике, и занимался сразу двумя полезными делами: одним глазом вяло наблюдал, как двое азербайджанцев во дворе моют машину, а вторым рассеянно пялился в монитор и пробовал улавливать смысл. Это, видимо, такое сугубо десантное упражнение на развитие внимания.

Кстати, вот эти азербайджанцы – живой дидактический материал для моего трактата. Вкальвают по пятнадцать часов в сутки, не пьют, не курят, вежливые, культурные, со всеми здороваются, каждой бабушке подержат дверь, а то и авоську помогут донести. Торгуют на рынке, в нашем доме снимают квартиру у одного алкаша на первом этаже. Очень тихие и спокойные жильцы.

Вот вам типичный пример грамотной экспансии. Въедут три миллиона таких в страну, где подавляющее большинство аборигенов бухает и регулярно тунеядствует, освоятся, закрепятся, завезут семьи, обростут связями, создадут не же-

лающие ассимилироваться к местному укладу анклав...

Думаю, дальше не надо развивать, и так все понятно.

И что самое опасное: многие к ним относятся либо нейтрально, либо хорошо, по-доброму.

Вот лично у меня – нет против них злобы. И у моих знакомых тоже. Рассудком я понимаю: чужие, занимают чье-то место, выдавливают нашего брата из выгодной сферы и все такое прочее – а злобы нет. Как можно злиться на людей, которые трудятся в поте лица, ведут себя прилично и уважительно, и вообще, могут служить примером для многих моих нерадивых соплеменников?

Я злюсь в первую очередь на этих самых соплеменников – бездельников и тунеядцев. Вместо того чтобы расти над собой и сплачивать ряды в борьбе с иноземной экспансией, эти соплеменники массово спиваются и стремительными темпами деградируют. А сопротивление экспансии у нас проявляется на каком-то прямо-таки детском уровне: например, вот этим азербайджанцам кто-то регулярно протыкает колеса и сбивает зеркала.

Стыдно, товарищи, стыдно! Надо строиться в полки, дружно топтать на учебу и выращивать свои кланы – сильные и конкурентоспособные, с тенденцией к полному доминированию над кланами иноземными, прорастающими корнями в глубь веков, а потому архаичными, отсталыми...

Ах, да, пардон: это уже из трактата.

Возвращаемся к вещам более приземленного порядка.

Итак, Федя напоролся на некий диссонанс в моем тексте и выпал из состояния задумчивого созерцания.

– Я не понял, это, вообще, че такое?

– В смысле?

– В смысле: «рискуя показаться фривольным» и прочий мур-мур, а тут: оп-па! – и по самое «не балуйся»... Ты это поправишь?

– Нет, так оставлю.

– Ну ты... Это ж вроде как документ, правильно?

– Это трактат. В первом значении – рассуждение на специально заданную тему.

– Ну, не знаю...

– А ты, никак, решил в цензоры записаться?

– Да ну, какие цензоры... Просто это... Ну, короче – режет слух.

– Ага! Бросается в глаза, царапает, цепляет – да?

– Да, бросается.

– Значит все здорово. Такая задумка и была.

– Не понял?

– В данном случае эпатаж – это не форма самовыражения. Это намеренная акцентуация, адресованная специфической аудитории.

– Так... А если в дыню?

О да, в дыню – это актуально. Это универсальный способ решения практически всех проблем. Гусенок наш – метр семьдесят восемь, сто два кило эксклюзивного мяса и сухо-

жилий (когда раздавали жир, это тело было на тренировке – не досталось ему), мастер спорта по трем видам единоборств и биатлону. Да, надо заметить: все его друзья-спортсмены вырывали «мастера» тяжелым кропотливым трудом, а некоторые прямо-таки с потом и кровью. А Феде все далось легко и играючи: он у нас богатырь от природы.

– А чего такой агрессивный? Смотри, какое прекрасное утро: мир утопает в любви и яблоневои цвете...

– Не, а че ты мне тут умника лепишь? По-русски объяснить нельзя?

– По-русски? По-русски... Да пожалуйста: жили были ах и ох. Все им было нах и пох...

– Хм... Неплохо. Сам придумал?

– В сети нашел – понравилось.

– Понял. Как это связано с твоим е...квакнутым трактатом, умник?

– Тебе было по, что ты читал до этого. А в этом месте ты проснулся, встрепенулся, и стал задавать вопросы. Так?

– Ну а кто бы не встрепенулся?!

– Слушай, а ты же не «наци», верно? Тебе разве не по?

– Ну, в общем – да, но... Гхм-кхм...

– Вот видишь: ты посторонний – а встрепенулся. А теперь прикинь: вот эту дрянь будут читать «скины», фашисты, «легионеры» и прочие тщательно бритые личности...

– Ага... – Федя скосил взгляд влево-вверх, помял своими стальными ручищами воздух, будто ощупывая облюбован-

ный для размозжения бритый череп и недовольно нахмурился. – Ну, ясно... Я только не понял: на кой буй оно тебе надо?

– Не мне, а – нам.

– Нам?! – Федор скривился так, словно ему за пазуху сунули обледеневшие фекалии больного болотной лихорадкой гиппопотама. – Я не понял, вы что, договорились с Борькой? Вы чего цепляетесь к этим долбанутым «легионерам»? Вам что, заняться больше нечем?!

Так... Не спешите приклеивать ярлыки типа «буйный самодур», «зануда, сатрап» и проч. В норме Федя – добрейшей души человек, любит похохмить и обстоятельно приколоться. Однако сейчас его гложет проблема, которую хотелось бы решить как можно скорее. Скорее не получается: решать будем только во второй половине дня. Так долго ждать для Феда – мука несусветная, его любимый принцип: здесь и сейчас. Вот и нервничает.

А поскольку проблема напрямую связана с искусно бритыми субъектами, товарищ на любое упоминание о вышеупомянутых субъектах реагирует болезненно.

– Спокойнее, мой большой железный брат. Если опустить сиюминутные эмоции и абстрагироваться от сегодняшней ситуации, которую ровно в четыре пополудни мы разрулим одним движением...

– Ага, я посмотрю, как это будет – «одним движением»...

– Короче. Эти люди живут рядом с нами, среди нас, и по сути своей – они почти что наши. Колоссальная аудитория.

По большей части запущенная – идейных среди них немного. Одним словом, нужно и должно бороться за эту часть аудитории. Нельзя ее упускать.

– Ну-ну... – Федя повел могучими плечами и, выудив из деревянной коробки на тумбочке шипастый мячик, стал нервно мять его. – «Бороться»... Думаю, тебя за такие выкрутасы очень быстро шлепнут и бороться будет некому. Ты когда этот трактат собираешься печатать?

– Как кончу – так и сразу.

– Так... Полгода ты его уже мучаешь. Это где-то середина, да?

– Пятый раздел.

– А сколько всего разделов?

– Если ничего не изменится – девять.

– А, ну тогда все пучком. Минимум полгода еще можно жить спокойно...

«...Итак, эффективность вашей деятельности – нулевая. Польза от нее уже не нулевая, а даже со знаком минус: никого из реальных негодяев вы не трогаете, а из-за ваших никому не нужных экзерциций с дехканами нашу нацию поливают позором все, кому не лень.

В связи с этим у меня к вам предложение. Вы как-нибудь соберитесь в кружок, пораскиньте мозгами, и задайте вопрос своему местечковому руководству (к центральному-то вас все равно не допустят): зачем мы все это делаем? Кому все это нужно?!

Если ответа не получите – обращайтесь. Вопрос выеденного яйца не стоит, все лежит на поверхности, но если вы сами до этого додуматься не в состоянии, я вам быстро растолкую, куда ушли слоны и почему нынче несортированный хлопок...»

Хе-хе... Я не стал разочаровывать своего огнеупорного брата: он и так сегодня не в духе. Трактат мой практически готов, сейчас я ползу сверху вниз по главам, произвожу финальную шлифовку и добавляю «изюминки». Еще неделя – и в массы. Сначала в блог Бормана и в форум «Народного ополчения» – фрагментами, параллельно в пару интернет-изданий (там уже все заточено – свои люди), потом можно будет и в бумажном варианте попробовать. Я уже и название придумал: «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ...»

«...И последнее – извечный русский вопрос: «ЧТО ДЕЛАТЬ»?

Здесь тоже все очень просто, но к вашему руководству я вас отсылать не буду, а отвечу сразу и без обиняков.

Во-первых, ни в коем случае не надо никого убивать: это глупо, крайне неэффективно и чревато (вспомните, чем кончил так славно стартовавший Адик Шикльгрубер – ни безупречно выстроенная идеология не помогла, ни колоссальные людские и промышленные ресурсы).

Во-вторых, присмотритесь повнимательнее к вашим вождям. Судя по тому, чем вы занимаетесь, эти ребята поголовно наняты врагами нашей нации.

Для чего наняты? А вот:

– для ее (нации) дискредитации перед лицом мирового сообщества;

– для массовой дезориентации пассионарной (наиболее активной) части славянской молодежи и отвлечения ее от истинных проблем, являющихся причиной нынешнего бедственного положения нашего Народа;

– для противодействия возникновению устойчивых групп и структур, способных вести реальную и конструктивную борьбу с иноземной экспансией на территории России.

Если последние два пункта кому-то неясны, прокомментирую: подавляющая часть активной молодежи бреет череп, одевает «мартенсы» и дубасит (почем зря) иноземных люмпенов и дехкан – вникать в суть социальных проблем и конструктивно противостоять экспансии просто некому.

*В-третьих: ребята, надо массово идти во власть и легитимно выдавливать иноземных резидентов с ключевых позиций во всех государственнообразующих сферах. В нынешних условиях это **ЕДИНСТВЕННО РЕАЛЬНЫЙ И ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ** противостояния вышеупомянутой экспансии.*

Проще говоря, Управление, Финансы, Добыча, Производство, Промышленность, Транспорт, Строительство и Торговля – все это должно быть нашим.

Каким образом идти во власть? Ребята – несмотря на умные слова и кажущиеся такими важными понятия – это

тоже очень просто. Если сами не додумались, вспомните опыт мудрых иудеев, век назад уничтоживших нашими же руками Великую Российскую Империю. Ну-ка, быстренько, вспоминайте, где и в какой среде формировались первичные очаги Сопротивления и Группы Влияния...»

Чпоньк!

Шипастый мячик в Фединых клешнях душераздирающе мякнул и испустил дух.

Ну что сказать: глыба, матерый человечище. Он на этот «ежик» в позапрошлом году своим «жигулем» наехал, и ничего – пережили. Я вообще даже и не предполагал, что такую штуку можно порвать в принципе.

– О, плятт... – Федя огорченно вздохнул, вкратце побаюкал останки мячика (как тушку внезапно почившего соседского енота) и кинул в мусорную корзину. – Уже привык к нему – как родной был.

– Знаешь, я тоже.

– Я куплю – такой же.

– Не купишь, – я сохранил трактат и выключил компьютер. – Ему в феврале пять лет стукнуло. Такие сейчас уже не делают.

– Ну, тогда другой куплю...

– Мне другой не надо.

– Так. Ну и что теперь...

– Да ничего. Пошли в «Патриот».

– Зачем? Я с утра был, всех озадачил.

– Тебе надо сбросить агрессивную моторику, а то...

– Да в порядке я!

– ...А то до четырех выгоришь дотла. А потухший и бесцветный ты мне там не нужен – от тебя такого только один вред будет.

– Ну что ж – логично, – немного поразмыслив, согласился Федя. – А почему именно в «Патриот»?

– Нет, именно в «Патриот» необязательно. Для полноценного релакса есть масса вариантов: можно ужраться до поросычьего визга, обкуриться в хлам, уколоться и забыться, позвонить биксам и устроить дикую оргию...

– Гы-гы... – последний вариант Феде определенно понравился, однако, почесав затылок, он с пионерской самоотверженностью выбрал правильный образ жизни. – Ладно, пошли в «Патриот»...

* * *

До «Патриота» пять минут прогулочным шагом. У нас тут вообще все рядом, до любого нужного места можно дойти пешком. Типичная черта центрального района небольшого промышленного городка: вся инфраструктура компактно расположена в одном месте: мэрия, ДК «Ацетон», поликлиника, школа, химический техникум, от него десять минут ходьбы до градообразующего предприятия – химкомбината им. команданте Пабло Эскобара. Да, базара у нас нет – на-

до ехать на левый берег, но шоссе, по которому можно доехать до МКАД за сорок минут, проходит по границе нашего района, да и станционная платформа пригородных поездов тоже наша – в одном квартале от школы. Так что особо там не воображайте, сидючи внутри Садового кольца: мы тут рядышком, под боком, в любой момент можем приехать и испортить настроение – крепко и надолго.

Впрочем, можем и не приезжать, а нагадить сугубо стационарно, но весьма масштабно: ежели, не дай бог, наш комбинат рванет – всем достанется. И Старой Площади неслабо перепадет, и Малой Дмитровке. Хе-хе...

Я мог бы еще долго рассказывать про наш славный городишко, но не думаю, что поголовно все читатели остро нуждаются в экскурсиях такого рода. С рядом местных достопримечательностей, заслуживающих отдельного внимания, у вас будет возможность ознакомиться по ходу повествования, а сей момент давайте проследуем напрямик к моей родной школе.

После Беслана школу огородили высоченным бетонным забором, топать от нашего переулка до центральных ворот – целая вечность, так что пойдемте через VIP-калитку, что притаилась вон в тех кустиках сирени. Видите, на заборе, справа от кустов, начертано желтыми корявыми буквами «Патриот»? Нам туда.

Если присмотреться, можно заметить, что надпись несколько размазана, а снизу проступают невнятные крова-

вые потеки. Не обращайтесь внимания: это ренегаты-имбецилы пытались тут шалить – за что и были немедля наказаны вразрез со всеми нормами Российского законодательства.

Заходим, любуемся. Школа наша старенькая, возведена в три этапа и не имеет ничего общего с современными типовыми проектами образовательной сферы.

Школьный корпус номер один был построен еще до революции. Три этажа, высоченные потолки, длинные и узкие стрельчатые окна, просторные классы, метровая кирпичная кладка, дубовые перекрытия и патологически не выветриваемый никакими ремонтами и нововведениями дух русской старины.

Здесь было реальное училище номер два – от фабрики, которая позднее органично трансформировалась в гигантский химкомбинат. (Реальное номер один – нынешний химический техникум, он недалеко от школы. «Реальное» – не сленг, так раньше назывались некоторые учреждения профтехобразования.)

После войны построили еще один корпус – в затылок первому, на этаж ниже, стены потоньше и с бетонными перекрытиями – и соединили оба здания широкой застекленной галереей в два уровня.

В эпоху властвования густобрового мужчины, который зарядил всю страну подымать казахам сельское хозяйство, в затылок второму добавили последний корпус. Тут у нас располагается спортзал, лекторий – актовъый зал, столовая, стацио-

нарные факультативы и огромное фойе, где проходят вечера, праздники и все более-менее значимые школьные мероприятия. Широкая застекленная галерея с фикусами и ежесезонно закрашиваемыми «здесьбылвасями» на батареях прилагается.

В итоге имеем эксклюзивное смешение стилей в виде вытянутых в одну линию зданий разных эпох, соединенных галереями. Если в темный зимний вечер смотреть на школу издали, она похожа на космический корабль с желтыми иллюминаторами разных пропорций и форм, который присел заправиться на пологий берег Заманихи и в любой момент может улететь обратно в межзвездное пространство.

Справа от «корабля» (это если с «кормы» заходить – через калитку) тянутся теплицы, школьный огород и единственная в своем роде на весь район лаборатория ботаники. Слева – мастерские, гараж для двух потрепанных «газонов» и склад.

Да-да, я помню, мы договаривались: никаких экскурсий. А про школу я рассказал потому, что штаб-квартира военно-спортивного клуба «Патриот» – уникального в своем роде явления, центра тутошнего молодежного мироздания и до недавнего времени весьма эффективного инструмента влияния на подрастающее поколение – располагается в школьном спортзале.

Закрываем калитку, восемнадцать метров по мощенной гравием дорожке, и вот он – центральный вход в «Патриот» (он же – служебный выход спортзала). Скромная вывеска

в пуританских тонах, светильник, режим работы: ежедневно с 17.00 до 24.00, в выходные с 9.00 до 23.00.

Представляю администрацию. Президент клуба: Федя Иванович Гусев, лейтенант запаса ВДВ, тутошний физрук и по совместительству военрук (препод. ОБЖ). Вице-президент: ваш непокорный слуга, учитель истории и географии и главный же методист, в недалеком будущем – идеолог и основатель национально-освободительного движения, а там и Президент России... а, ну да, вы уже в курсе. Ответственный за связь с общественностью: «гражданская» жена Федора – Лена Даневич, корреспондент газеты «Эра барбитуратов» и просто красивая женщина. Главный вербовщик клуба: Борис Иванович Гусев, ученик десятого «А», будущий чемпион мира по боям без правил, или просто Борман – так привычнее для всех. Еще у нас есть секретарь, он же бухгалтер, начфин и делопроизводитель: Радик Нигматулин.

Если кого интересует, как на ровном месте соорудить клуб, не платя ни копейки за аренду, равно как и совмещать по две должности в образовательном учреждении, могу поделиться методикой. Это очень легко, если кто-то из родичей администрации клуба является:

а) директором школы (в нашем случае – мать Феди Иванова);

б) заведомом ГОРОНО (это моя мать);

в) замначальника охраны химкомбината и по совместительству председателем городского комитета по работе с мо-

лодежью, культуре и спорту (это мой отец).

Вот это последнее вовсе не обязательно, но для комплекта не помешает. Замначальника охраны градообразующего предприятия – человек в городе не последний, решает многие вопросы.

Только прошу вас: ни слова про мафию. Мафия – это вообще нерусское понятие, глубоко чуждое нашему менталитету. А у нас тут обыкновенное местечковое кумовство как способ мимикрии к непростым условиям суровой реальности или попросту русское выживание.

Кстати, обратите внимание на нашу экономность и эффективность управления: в администрации клуба всего лишь пять лиц. А зарегистрированных членов – около трех сотен. Абы кого мы не берем, только достойных и авторитетных товарищей, которые способны потянуть лидерство в микрогруппе на 5-10 человек. Судите сами, каков размах для тридцатитысячного рабочего городка. Можно сказать, вся местная молодежь была «под нами» – до недавнего времени.

А что случилось в этом недавнем? Да ничего хорошего: у нас открылся районный филиал «Славянского легиона». И сразу же начался отток контингента в их сторону.

Впрочем, про «Легион» – немного позже. Сейчас нас больше интересует свежерытая траншея у теплицы, на бруствере которой, задумчиво щурясь в запыленную яблочным цветом даль, жует французскую булку завхоз Иван

Сергеевич Думбадзе.

Собственно до траншеи нам нет ровно никакого дела: это проблемы завхоза, который получил деньги на ремонт водопровода и вроде бы уже договорился за недорого с бригадой дехкан.

Однако, дехкан почему-то не видно, а траншею в гордом одиночестве копает... Борман!

Вот это уже интересно.

У Бормана наследственное заболевание: дикая неприязнь к физическому труду (папа у них с Федором был офицером – как впрочем и мой, в нашем районе немало военных семей).

Дабы не погружаться в дебри сопряженных с этим недугом коллизий, сразу выдам вам резюме: заставить нашего главного вербовщика работать не на себя, а на общество, может только старший брат, только после нешуточного скандала, и только в качестве наказания за какое-нибудь запредельно ужасное злодеяние.

– Привет трудовому народу!

Борман на мгновение прекратил копать, смерил нас испепеляющим взглядом и вернулся к работе.

Этого мгновения было достаточно, чтобы оценить, насколько непростой была полемика по поводу целесообразности дренажных работ: под левым глазом у Бормана красовался здоровенный фингал, левая же челюсть опухла, побагровела и изрядно округлилась.

– О боже, Боренька, что это с вами!

– С лестницы упал...

В том, что это закономерный результат великой братской любви, я даже и не сомневался. Несмотря на раннеподростковую худобу и обманчивую миловидность, Борман – талантливый боец, с пяти лет серьезно занимается рукопашным боем и при необходимости за двенадцать секунд играючи уложит троих здоровых взрослых мужиков. Это не метафора и не для красного словца: проверено на практике (да, надо отметить для скептиков: мужики – не рукопашники, но заядлые волейболисты, здоровые и проворные, а пива в каждом сидело не более литра). У пацана феноменальная реакция, просто какая-то дикая верткость и реактивность, и он, по утверждению Феде, «видит соперника» – то есть может предугадать его намерения и движения. Я в этом деле разбираюсь слабенько, но Федору можно доверять – он спец. Короче, в обозримой видимости кандидатов на одаривание Бормана синяками практически нет – за исключением Феде.

– Слушай... Вроде бы определились – не наказывать?

– Да это уже не за «легионеров».

– А за что?!

– Кхм-кхм... Короче, вернулся домой в три ночи.

– Ну так... растет человек, мужает...

– Ага, мужает: мать в кармане клей нашла. И вся одежда этим клеем провоняла. Блин... Я уж думал, эта «тема» давно отошла...

– Занятно...

– Ну, короче, возбужденный, глаза неестественно блестят, типа того... Короче, мать мне звонит в три часа: бегом домой, разбирайся...

Федя живет у Ленки – это рядышком, в квартале от семейной резиденции Гусевых. Дальше можно не рассказывать. Федя тоже парень реактивный, а разбуженный в четвертом часу ночи – реактивный двойко. Учтите еще, что пятью часами ранее его уже выдергивали с вечеринки для разборок с выкрутасами меньшого братца на дискотеке (об этом позднее – когда дойдем до «терок с легионерами»), после чего меньшей клялся вести себя пайнкой.

Однако, если дела и дальше так пойдут, в скором времени Федор уже не сможет таким вот образом воспитывать шаловливого братца. Все идет к тому, что ученик по всем параметрам будет круче учителя, а прогибаться и подставляться Борман жуть как не любит, так что годика этак через три-четыре в семье Гусевых могут наступить непростые времена. Хе-хе...

– Минутку... Клей?

– Ага, – Федор огорченно покачал головой. – Вот уж не думал... Спортсмен, блин, и все такое...

А вот я совсем не реактивный, а местами совсем тормоз. Конституция у меня такая, лирико-меланхоличная.

– Ладно. Ты занимайся, а я пообщаюсь с товарищем.

– Давно не виделись?

– Эмм...

– Ему твоя реабилитация не нужна: там по педагогике все было пучком.

– Реабилитация тут ни при чем. Про клей пояснил что-нибудь?

– Нифига. Молчит, как партизан на допросе.

– Ну вот, видишь. Это потому, что ты сатрап и тиран. А я из сострадательной миссии, так что у меня есть шансы...

– Тоже мне, мать Тереза... – Федя недовольно нахмурился, и не останавливаясь направился к спортзалу. – Смотри, не разлагай мне тут...

Я проследовал к месту экзекуции, изобразил позу нетерпеливого ожидания и принялся многозначительно пялиться на Думбадзе.

Думбадзе ни на позу, ни на многозначительность не реагировал. Что поделать – вот такое оно скотино. Давлению не подлежит – оно здоровенное, как горилла, и наглое, как танк (почти все Федины друзья – спортсмены, исключение, пожалуй – ваш покорный слуга).

– Сергеич, тебе в теплице ничего не надо?

– Федя сказал – не отпускать, пока не откопает.

– Да и не отпускай: нам парой слов перекинуться...

– Федя сказал – махать не разгибаясь, пока не закончит, –

Думбадзе хитро прищурился.

– Федор тебе не начальник.

– Ты – тоже.

– Ну же, Ваню, будь человеком...

– Да что у вас там за секреты такие?! Говорите при мне, я что, мешаю?

– Ладно, Ваню – буду должен.

– Ну, коли так... – Думбадзе приободрился и с энтузиазмом поскреб щетину здоровенной мохнатой лапой. – Эмм... Короче, в пятницу будем столы списывать – в «методичке»...

– Сергеич – об чем разговор!

– Сделаем, да?

– Г...-вопрос!

– Ну ладно. Пойду, посмотрю шланги...

– Вот же цукер... – Борман, проводив завхоза неприязненным взглядом, вогнал штык лопаты в землю. – Везде выгоду найдет, цинандали хитрож...

– Почему Феде про клей не объяснил?

– Ты же сказал – никому...

– Ну Феде-то можно было!

– Если б ты сказал: Феде можно – тогда да. А никому – значит никому, – Борман упрямо насупился. – Разве нет?

Ну что ж, логично, как говорит товарищ Федя. На будущее надо учитывать такие вещи: юношеский максимализм, конспиративные игры и прочую тинейджерячью мишуру.

– Борис, ты уже большенький у нас. Должен понимать, что бескомпромиссность в таких случаях – самый короткий путь в инвалидное кресло. Или на кладбище – это уж как повезет. Гибче надо быть. Мудрее.

– А сам? Взял бы и сказал.

– А смысл?

– Ну...

– Вот скажи, какой практический смысл в том, что у меня сейчас был бы точно такой же фингал, как у тебя? Мир бы стал лучше и добрее? Траншея откопала бы сама себя? Тебе бы от этого стало легче?

– Мне бы... Пфф... – Борман невесело хмыкнул и покачал головой. – Вообще, интересно было бы... Но, знаешь – нет, не легче. Я все равно уже за все ответил, так что...

– Ну вот, видишь, как здорово! Тут она и поперла, мудрость-то, – похвалил я. – Мужаешь прямо не по дням, а по часам. Постигаешь смысл ответственности и все такое... Кстати, почему так поздно домой пришел? В котором часу закончили клеить?

– Мы... это... – Борман виновато потупился. – Не закончили, короче...

– Не понял?!

– Гуляли у него во дворе, – Борман тяжело вздохнул и, глядя в сторону, принялся сосредоточенно ковырять ногтем витиеватый сучок на отполированном до блеска черенке лопаты. – Свет, музыка, куча тачек у ворот, люди постоянно – туда-сюда... Короче, мы туда приехали сразу после дискотеки, и часа три, наверно, сидели, ждали – народ не расходился...

Так, а вот это уже нехорошо. Нет, не то, что гуляли – это на здоровье: помимо майских праздников, завтра у нас

День города, отмечать, как водится, начали позавчера, причем в промышленных масштабах. Мы с Федей, например, тоже вчера на «корпоративной» вечеринке развлекались.

Нехорошо – это на предмет отсутствия плакатов. Это просто полный провал.

– Ага... – я посмотрел на часы – 11.02. – Значит, судья у нас без плакатов остался?

– Ну так не наклеили же...

– Я вопрос задал.

– Ты че, прикалываешься? – Борман угрюмо насупился: сугубо по-Гусевски, ни дать ни взять – маленький Федя. – Я все – проникся, виноват, типа, терзаюсь и все такое...

– Да терзайся на здоровье, кто мешает? Время идет, мне надо быстро принимать решение. Итак, сформулируем: в настоящий момент наглядной агитации на заборе судейской усадьбы нет. Так?

– Так.

– Плакаты?

– У Ромы.

– Состояние?

– А что с ними будет? Нормальное состояние.

– Хорошо. Валики?

– Какие валики?

– Ну, привет! Чем размазывать собирались?

– Эмм...

– Понял, вычеркиваем. Клей?

– Мать отняла...

– Понял, записываем... Плюс еще пятнадцать минут...

Угу... Угу...

– Не понял... Ты что, хочешь сейчас клеить?!

– Не хочу. Видит бог – совсем не хочу! Но придется. У нас осталось пятьдесят с чем-то минут, так что...

– Не, Дим, это ты того... Ты, конечно, жуть какой умный, но...

– Мальчонка испужался? Ладно, сам справлюсь...

– Да прекрати – «испужался»! У него там сто пудов камеры стоят. На заборе или на крыше...

– Ты их видел?

– Ну... Судья же. Крутой, типа...

– Не видел – не болтай. Зачем ему камеры? Он прекрасно знает, что в этом городе никто не додумается злоумышлять против него. Он чувствует себя здесь хозяином.

– А если есть?

– Да и пусть. На их камеры хитро импортные, есть наши шапки дрянно вязаные. Звони своим мерзавцам, ставь задачу – пока клей добываем, пусть организуют нам шапки. Три штуки, больше не понадобится.

– Ну, это не проблема. – Борман с сомнением покачал головой и достал телефон. – А вообще, дрянь идея. Если ночью ничего не вышло...

– Звони, – я решительно направился к двери спортзала. – Сейчас по-быстрому «отмажу» тебя, да помчимся.

– «По-быстрому»?!. Очень сомневаюсь... Тут работы еще часа на полтора.

– А вот это не твоя забота. Звони. Толпа не нужна: возьми Ромчика, вдвоем поклеите, я подстрахую...

Пока мы с Борманом болтали, Федя без разминки влез на ринг и с энтузиазмом принял в замес четверых активных членов клуба: в бешеном темпе, быстро меняя выдыхающихся «манекенов» через каждые две минуты.

Не повезло хлопцам. На момент внепланового появления босса у нас тут разная мелочь пузатая уборкой занималась (мыли окна и альпинистскую стенку), а эти четверо – постарше, пришли покачаться. Ну не дураки ли? Скажите, кто в праздники качается? Это ж очень вредно для здоровья, особенно в нашем случае. Не занятия, а сплошной травматизм. Берите пример с меня: я вообще не качаюсь. Ни в праздники, ни в будни. В футбол погонять, в волейбол попрыгать, дико поорать (игрок из меня – оторви да брось, зато уж ору – все падают замертво) – это пожалуйста.

– Федор Иванович – срочное дело!

– Да ну, в ж..., знаю я твое «срочное»! – Федя в мою сторону – ноль внимания – продолжает молотить в темпе транс-сибирского экспресса. – Пока не выкопает – не отпущу.

– Да это здесь вообще не при чем! Это по поводу нашего вечернего мероприятия. Есть новости.

– Ага... Хлопцы – подышите пока, я быстро. – Федя нырнул под канаты и, не в силах сдерживать переполнявшую его

энергию, принялся ритмично пританцовывать вокруг боксерской груши, награждая ее пушечными ударами. – Излагай. Хэк! Только покороче, чтоб я не остыл. Хххэк!

– Федя, давно хотел тебя спросить... Ты не друг судьи?

– Ха! – Федя судью ненавидит, как и любой честный уроженец нашего города. – Ну ты сказанул...

– То есть, спасти его от позора на всю страну ты не планируешь?

– Ха! Ну, б...

– Дай слово.

– Слушай, че те надо?..

– Федя – вопрос принципиальный. Дай слово, что не будешь помогать судье избежать скандала и позора в масштабах всей страны, а то и дальше.

– Ну естественно – даю! А по-человечьи объяснить...

– Итак, ты даешь слово?

– Даю!

– Ну вот и молодец, – я предусмотрительно отошел на три шага назад и укрылся за второй грушей. – Отпусти Борьку на часок – он мне нужен. Позарез.

Федин ответ на эту просьбу я цитировать не буду, потому что там через цензуру пройдут только «ну» «ты» и «подстава» – под оглушительные шлепки по грушам.

Не дожидаясь развития событий, я очень быстро и внятно раскидал на пальцах, что мы собираемся делать и еще раз напомнил про только что даденное обещание не помогать су-

дье.

– Ну вы... конспираторы уевы... – Федя лучится счастливой улыбкой: Борман не токсикоман, недоразумение с клеем счастливо разъяснилось, это сейчас главное. И теперь понятно, почему с утра был такой надутый: что там «легионеры», когда тут такие токсикологические перспективы маячили... – А предупредить нельзя было?! Всю ночь не спал!

– Моя ошибка, – признал я. – Не думал, что так все получится.

– Закатать бы тебе в дыню за такую ошибку. – Федя еще разок от всей души зарядил по груше – но уже оптимистично, сугубо с первомайским подтекстом. – Все равно – наказание отменять не собираюсь...

– Да на здоровье! Все сделаем – через часок верну.

– Ваню «через часок» уйдет. Кто будет на контроле? Насчет того, что он сам вернется – я что-то сильно сомневаюсь. Ловить по всему городу я его не собираюсь, так что...

– Ловить не надо – сам придет. Контролировать не надо – сам выкопает. Мальчик уже большой, все понимает...

– Ну, смотри. Не придет – сам копать будешь.

– Договорились. Ну все, забираю?

– Забирай. Тоже мне, «Земля и Воля», маму вашу...

– А, еще ключи от машины дай.

– На фига?!

– Да опаздываем уже, надо прокатиться кое-куда.

– Ну... Ладно, забирай. Смотри аккуратнее – только из

СТО пригнал.

– Обижает! Аккуратность и бережливость – мое второе имя...

* * *

– Шапки?

– Будут.

– Валики?

– Сегодня хозяйственные не работают...

– В гараже посмотришь поролон, если нет, возьми любые тряпки.

– Там щетка есть, пол подметать – лохматая такая.

– Щетка... Пойдет, наверное. Прихвати.

– Понял.

– И поролон. И тряпки. Все бери.

– Хе-хе... Понял.

– Да ни фиги не «хе-хе»! Помимо всего прочего, тряпки еще нужны, чтоб номера по-быстрому замотать. Типа, футболку драную, или что там, глянь.

– Номера?

– Да.

– Ух ты! Прямо как настоящие...

– Короче. Тряпки, поролон, и... и Ромчика.

– Да понял, понял!

– Ну все, помчались. Только пулей – одна нога здесь, дру-

гая там.

И помчались: то есть в буквальном смысле побежали, резво шевеля локтями, – я на химкомбинат, Борман в гараж за машиной.

Семнадцать минут убил на добычу новой порции клея. Созвониться на бегу с нужным человечком, уточнить кто на КПП (к папе обращаться не хочется – болезненно реагирует на такие вещи), вынести, забрать – и опять кругом должен, потому что надо все быстро и без проволочек. Клей – супер, за двадцать секунд полоску рессорной стали буквально приваривает к куску рельсы, кувалдой не отобьешь, но по причине повышенной летучести страшно вонюч и ядовит. Обещали, что «бумага – бетон» вообще будет монолитной композицией: или закрашивать, или резакотом соскрести.

По завершении «клеедобычи» я обнаружил неподалеку от КПП Федину «шестерку» и немедля сел за руль. Борман змейкой скользнул на пассажирское место. Выходить нельзя: ему под страхом смертной казни запрещено рулить, а тут все свои, увидят – на раз сдадут Феде.

– Плакаты?

– Здесь, – доложил Рома с заднего сиденья.

– Шапки?

– Вот, – Рома представил заготовки: одна вязанная шапочка со свежими неровными дырами, хоккейная маска и резиновая кинг-конговская морда.

– Да уж...

– У меня мать дома, – пояснил Борман.

– А у меня только одна шапка, – подхватил Рома.

– А бегать по пацанам некогда, – завершил Борман. –

Сам же сказал – «пулей».

– Ладно, пойдет. Обезьянью морду сам наденешь.

– Как скажешь, босс.

– Щетки, тряпки, поролон?

– Все тут. – Борман предъявил объемную хозяйственную сумку. – Даже две широкие кисточки есть – чистые.

– Молодцы. Ну все, поехали...

Судья у нас проживает на Второй Московской. По логике, должна быть Первая Московская, но таковая отсутствует, равно как и Третья, а на Второй построили усадьбы первые лица города и... пятеро депутатов ГД. Зачем тут построились депутаты – я не знаю, это загадка для всего города, (подозреваю, что в Подмоскovie есть более привлекательные в экологическом плане места), ну да бог с ними, это их личное дело. Вторая Московская у нас на опушке живописного соснового бора, за речкой, подальше от градообразующего предприятия. Ехать туда минут пятнадцать: пока добираемся, коротко посвящу вас в детали околосудейских пертурбаций.

Значит, дело было так: сидели вчера у Ленки, пили вино на предмет подготовки к корпоративной вечеринке (в «Эре» наливают детские порции, так что надо приходиться уже хорошо подшофе, с запасом). В общем мы с Федей планово подымаем градус, наша репортерша штукатуруется – хотя ей и не

надо, и так лапочка, – тут вдруг звонит ее подружка-однокурсница и сообщает радостную весть. Завтра-послезавтра она будет работать у нас: делать репортаж о праздновании Дня Города в рамках нацпроекта «Бензоловое кольцо России», в связи с чем просит помочь разобраться со спецификой и вообще выступить в роли гида.

Насчет этой подружки я слегка в курсе: Ленка ей завидует. После журфака ее сразу взяли на центральный телеканал и органично вписали в солидную команду, а нашей красавице пришлось вернуться домой и освещать химические будни здешних туземцев. Нет, баллы и внешность тут ни при чем: та столичная штучка Ленке буквально во всем уступает. И училась намного хуже, и не такая симпатичная... Просто она родилась правильно: на старом Арбате и у «очень серьезных» родителей (а Ленкины, типа того, по жизни были полными шутниками). Вот и поперла карьера – сами ведь прекрасно знаете, как у нас все устроено в этом плане.

Наша прайм-дива поступила профессионально – эмоции в сторону, работа прежде всего. Сказала подружке, что обязательно поможет и тут же села составлять план репортажа, или как это у них называется – в общем, маршрут и места, на которые стоит обратить внимание.

А Федя возьми да и ляпни:

– Ты ее к судье отвези. Типа, на интервью. У него жена с дочками в Европу на шопинг умотали. Так что там сто пудов будет фильм-концерт, а местами возможны сольные выступ-

ления...

Да, интересный вариант. Городишко наш – большая деревня: невестка Фединога кореша (это тот самый думбадзнутый завхоз) работает туроператором фирмочки «Держись, Европа» – позавчера в одиннадцать утра оформляет шоп-тур на троих, а уже в три пополудни полгорода знает, что у судьи будет затяжная свинская пьянка со стрельбой, стеклобоем и, вполне возможно, непотребными девицами.

Ленка у нас традиционной ориентации (судью терпеть не может, как и все мы), идею одобрила. Столичная штучка такие вещи любит, она из той категории репортеров, что снимают наших чиновников с бросающимся в глаза подтекстом: вроде бы ненароком попавшие в кадр дорогие часы, шикарные иномарки, трехэтажные особняки и опухшие с дикого перепоя хари – непременно крупным планом, двояковыпукло и объемно, чтоб каждая жилка красноглазого кадра пульсировала и кричала: «Вот так мы поступаем с вашими деньгами, быдло вы тупоголовое!!!»

– Замечательно! С судьи и начнем...

А меня внезапно посетила идея привнести в этот репортаж этакий здоровый элемент неожиданности. Или нездоровый – это смотря с какой точки зрения.

Я бросил пить вино, сославшись на срочное дело, рванул домой, а по дороге вызвонил Бормана с Ромой.

Заготовки у нас были с незапамятных времен: мы давненько вынашивали грандиозные планы насчет слегка опа-

рафинить этого злодея публичным образом, но все как-то руки не доходили. А сейчас как раз случай – грех упускать, другого такого не будет.

Договориться насчет суперклея, скинуть заготовки на принтер, прилепить к ватману, быстренько подправить фломастерами детали, предметно озадачить гитлерюгенд – на все ушло от силы час, после чего я, как ни в чем ни бывало, присоединился к репортерско-педагогической паре, и мы двинули на вечеринку.

А дальше вы в курсе: по причине недотепистости юной смены, а отчасти ввиду стечения непредвиденных обстоятельств, остался наш мерзавец без наглядной агитации.

Ну ничего, сейчас мы это дело поправим...

* * *

По дороге осенило.

– Калитка у него куда открывается?

– Что значит – «куда»?

– Внутрь или наружу?

– Эмм...

– О боже... На улицу, или во двор? Три часа глазели, неужто не обратили внимание?

– А! На улицу. Ну да, в смысле – наружу.

– Замечательно...

В начале улицы Мичурина скопипастили осиновою чур-

ку – если приспичит, калитку подпереть, – в конце встали, попробовали замотать ветошью номера. Оказалось, что это довольно трудоемкая затея: проще снять номера и спрятать в багажник. Так и поступили.

Ну вот, теперь мы кругом преступники, назад дороги нет.

Заехали на Вторую Московскую, медленно прокатились мимо усадьбы судьи.

Осмотрелись.

У ворот стоит черная «Волга» начальника горотдела (товарищ проживает в центре, в трехкомнатной квартире, до особняка пока не дорос). Людей не видно.

– Вот это – «куча тачек»?

– Ночью была куча.

– Ну-ну...

– Не, серьезно!

– Понял, понял...

Встали неподалеку, за усадьбой мэра, прислушались, попробовали разобраться в обстановке.

Ну и ничего особенного: нормальная похмельно-вельможная улица в теплый майский полдень. Тихо, откуда-то тянет ароматным дымком, в усадьбе судьи негромко играет музыка. Это нормально – если до утра гуляли, теперь до вечера будут дрыхнуть без задних ног. На козырьке мэрской калитки развалился здоровенный наглый котище, рыжий, корноухий, с презрительным прищуром (эммрр... чернь? И кто же вас сюда пустил, оумрр?) – более серьезных средств

наблюдения я не заметил.

– Камеры, говоришь?

– Вообще, такие люди живут – по идее, должны быть...

– Ну-ну...

Московское время: 11.44.

Ленка сказала, что на Вторую Московскую они подъедут к полудню, так что надо быстренько действовать: время поджимает.

– Ну что, юнги – за работу.

– То есть...

– То есть прикрыли свои бесстыжие физиы, схватили причиндалы – и к забору. Один плакат слева от ворот, второй – справа, рядом с калиткой.

– А...

– А я на страховке. Обстановка, калитка, все дела... Вопросы?

– Все понятно.

– Вперед!

– Да, босс!!!

Борман с Ромой натянули маски, взяли плакаты, сумку и резво двинули к судейскому подворью. При этом Борман нервно проблеял гнусавым козлетоном:

– В-валим всех! Пленных не брать!!!

– Но-но! Посерьезнее...

Я сдал назад, встал вровень с воротами судьи и медленно, с натугой выдохнул, стравливая воздух сквозь плотно сжа-

тые губы. Федя так научил – говорит, помогает.

Пффф...

Не знаю, может, кому и помогает, а мне – нет.

Тын-дын... Как мне сейчас неохота выходить из этого уютного и безопасного салона...

Ребята, открою маленький секрет: я по сути своей «кролик». То есть при любом обострении ситуации мгновенно впадаю в ступор и работаю ручным тормозом. Медленно двигаюсь, медленно говорю, медленно соображаю. Я всеми фибрами души желаю искоренить сие позорное явление, пробую бороться с этим, но...

За последний миллион лет человеческий организм выработал ряд основных стереотипов реакции на опасность: удрать, сразиться, спрятаться. Если первые три варианта не удались – притвориться мертвым.

Федя с Борманом, да и Рома тоже – явно выраженные бойцы, при любом намеке на опасность мгновенно становятся реактивными и буквально лопаются от переполняющей их агрессивной моторики.

А мое естество предпочитает притворяться мертвым. Все процессы – на минимум, кровь отливает от личика (а я бледненький, так что особо и не заметно), организм впадает в ступор. Сами понимаете – для мужика это позор. А уж для лидера, который собирается чего-то там возглавить и куда-то двигать – и подавно. В борьбе со своим тормознутым организмом я все перепробовал, но пока что безрезультатно.

Самое смешное, что со стороны это выглядит, как монументальное спокойствие. Если Федя с Борманом нервничают, орут, делают резкие движения – я такой весь из себя плавный и томный. То есть если оперировать обычными пазанскими раскладами при производстве тривиальных «терок», вы можете сколько угодно пугать меня ложными замахами, трясти без толку ручонками у лица, и коварно обозначать движение вашей коленной чашечки в район моего гульфика – я на эти все финты просто не реагирую. И вовсе не ввиду высокой выдержанности и стойкости, а просто потому что в аху... эмм... пардон – в ступоре. Хе-хе... (Да-да, это тот самый истерический смешок перед лицом неизбежной гибели.)

Ну все, хорош словоблудить, пора на волю.

Пффф... Сколько лишнего воздуха в груди...

Пффф... Не работает, Федя, твой метод, мне надо что-то другое... Может, водки? Грамм двести? А нету, не догадался запasti...

Так... Двигатель не глушим, мало ли... Ух, чуть не забыл – надо же личико прикрыть!

Где у нас тут маски... Руки что-то дрожат, плохо слушаются... Вот же свинство: пока рефлексировал, эти моторные мерзавцы разобрали что получше, а мне оставили кинг-конговскую морду. Менять что-либо поздно, они уже работают: с трудом натянул тесную резину, взял из багажника краденую чурку и на ватных ногах двинул к воротам судьи.

Зачем вообще я тут нужен? С чуркой? Не проще ли отсидеться в машине?

Надо страховать: это я не для красного словца ввернул при постановке задачи. Вопреки ожиданиям, мгновенно наклеить плакаты отчего-то не получается – наверное, ввиду отсутствия должной практики. Борман с Ромой возьмется, крутят ватман во все стороны, бестолково машут кистями, пару раз бутылку с клеем наземь уронили.

– Оставьте ватман в покое! Забор мажьте, обильно – потом сверху пришлепнете и тряпками прогладите. Шевелись, юнги!

Борман глянул с уважением: наверное, получилось медленно и величаво, как всегда в такие моменты.

В общем, надо посмотреть, что там у нас во дворе, и быть в готовности подпереть калитку чуркой: пока приклеют да схватится – нужно какое-то время.

Классическое «заглянуть в подворотню» не получилось: вредные иноземные строители оставили под воротами и калиткой такие узкие щели, что, наверное, и котенку ухо не просунуть. Вот это я вам припомню, рачительные вы мои. Как стану президентом, готовьтесь к массовой депортации – хлопково-маковые плантации уже затосковали по вашим под кирпич переученным ручонкам, они заходятся в немом вопле: вернитесь, сыны Азии, ну ее в гудок, эту неблагодарную Россию!

Крутанув массивную медную ручку, осторожно потянул

калитку на себя – не заперто. Ну и правильно, зачем такому человеку запираяться?

Присел на корточки, калитку приоткрыл чуть пошире – чтобы голову можно было просунуть, и приступил к беглому осмотру внутренней территории усадьбы.

Центральный вход с крылечком прямо напротив калитки, метрах в двадцати. Справа свежевоструганная сауна, между сауной и домом врыт в землю довольно объемный бассейн с мраморными бортиками, до краев наполненный водой. Дальше декоративная плетеная изгородь (стиль «Валенсия», то ли Карпаты – выбирайте), что за ней, отсюда не видно.

Слева от дома – огромная беседка, обсаженная по периметру едва пустившими зелень кустами (вид не разобрал – не ботаник я, да и неважно это сейчас). Что в беседке, мне не видно, а рядом вяло копошится субтильное бледное существо мужеска полу в спортивном костюме и «сланцах» – достает из большой коробки тарелки и ставит на перила беседки.

Две стопки тарелок на перилах уже стоят, это будет третья. Куда им столько? Тут как минимум на полсотни персон можно сервировать.

– Готово!

Борман с Ромой закончили клеить рядом с калиткой, побежали мазать забор слева от ворот.

– Молодцы. Давайте и дальше в том же духе...

В этот момент из бани выскочили три Афродиты (то есть совсем без ничего, из одежды – только клубы пара и пена, но вряд ли морская) и с истошным визгом бултыхнулись в бассейн.

Ух ты... Это, значитца, у нас тут вот такой сугубо судебский досуг? Занятно...

Вслед за Афродитами из сауны выломился здоровенный волосатый мужлан в ядовито-желтых труснях и с первобытным рыком ухнул в бассейн. А брызг было – будто зрелый гиппопотам с эстакады сорвался.

– Это че такое было? – насторожился Борман.

– Работайте, не отвлекайтесь. Ничего особенного – просто люди отдыхают.

Мужлан – начальник горотдела. Большой человек во всех отношениях, и по комплекции, и по положению. А на отсутствие усадьбы не обращайте внимания – он у нас недавно, не успел еще заработать. Предшественника его посадили (то ли много брал, то ли мало делился – там как-то все непонятно), а усадьбу конфисковали. Возможно поэтому лохматый богатырь не торопится, понимает, что в нашей интересной стране все преходяще. И уходяще.

Богатырь принялся подныривать под Афродит и с молодецким гиканьем хватать их за разные места, девчата отбивались и азартно вопили, а я так засмотрелся на все эти водно-эротические экзерциции, что на какое-то время утратил контроль над обстановкой и выпустил крылечко из поля зре-

ния.

И тут же за это поплатился.

– Та-а-ак...

Я повернул голову на возглас и замер как истукан.

Прямо передо мной, в двух метрах, стоял судья.

В легеньком банном халате цвета зрелого гонобобеля, с полным патронташем через плечо и двустволкой в руках.

– Икк-xxx! – от страха я икнул, непроизвольно сжался в комок и принялся доставать свой обтянутый отвратительной маской череп из калиточного проема.

И казалось мне, что делаю я это страшно медленно, а мир вокруг меня вдруг остановился и завис, как старенький гусевский комп при загрузке ресурсоемкой навороченной программелины...

– Киношники едут, – тягуче доложил слева Борман. – Мы – все. Пора уже валить, а то в кадр попадем...

– Ма-ка-ка!!! – радостно взревел судья, зачем-то направляя ствол в мою сторону и с мягкими щелчками взводя курки. – Ы-ы-гы-гы!!!

О нет, сэр, нет – вовсе не макака! Ну Кинг-Конг ведь, вольно же вам над зоологией глумиться. Хотя, какая, к бабуинам, сейчас разница...

– Виктор Иваныч! – крикнул от беседки бледный мужчина, зазывно потряхивая тарелкой. – Давать?

На все это – от панического икания, до глубинного понимания – на кой уньк, собственно, нужно было выклады-

вать батарею тарелок на перила беседки – ушло секунды две-три, – за это время я успел таки достать личико из проема, захлопнуть калитку и чуть отодвинуться назад.

– Ту-дух!!! – шарахнуло дуплетом с той стороны забора.

Стальная дверь тонко взвизгнула, принимая на себя сдвоенный дробовой заряд и распахнулась настежь.

– Ну ни х... себе! – моторный Борман молнией метнулся к калитке, рывком захлопнул ее, привалил чуркой, и, крепко ухватив меня под локоток, поволок к машине.

Актуальное деяние, я вам скажу! У меня в буквальном смысле подкашивались ноги – не мог идти!

– Макака, б...!!! – калитка тотчас же затряслась от ударов. – Стоять!!! А-а-а, б...!!!

Добрались до машины, плюхнулись на сиденья, я дрожащей рукой воткнул передачу – выноси, родимая!

«Шоха» еще не стронулась с места, а реактивный Борман уже кому-то названивал.

– Кому?

– Ленке, – Борман кивнул в зеркало. – Она же с ними...

Глянул в зеркало: от центра города к нам медленно катит микроавтобус, с аршинным логотипом одного из центральных каналов телевидения на морде. С правого борта торчат две камеры – ребята снимают «с колес», времени даром не тратят.

– Лен? Разворачивайтесь бегом – и уе... отсюда... Да ниче! Он совсем в ах..., по людям палит! Сваливайте, пока не

поздно...

И как этот бесенок все держит в памяти? У меня, например, совсем из головы вылетело, что Ленка сегодня работает гидом у столичной съемочной группы.

– Ма-ка-ка!!! Стоять!!!

Оторваться на дистанцию безопасного удаления мы так и не успели: в тот момент, когда я воткнул вторую передачу, судья успел разобраться с нашей чуркой и вывалился на улицу. Да, надо отдать ему должное – хороший охотник: даром, что пьян в три звезды, пока долбил в калитку плечом, успел перезарядить ружье.

– Ходу, ходу, ходу! – взвыл Борман. – Пригнись, б...!

Да я и так – ходу, это что вам, «Бентли», что ли?! А, пригнуться?

– Ту-дух!!! – опять шарахнул дулет – по багажнику сыпануло мелким горохом, заднее стекло плюнуло в салон рубленым крошечком и приказало долго жить.

Просквозив юзом по обочине, мы выровнялись на шоссе, и, наконец-то обретя должное ускорение, рванули к выезду из города.

В зеркало можно было рассмотреть, что судья споро перезаряжает ружье, а киношный микроавтобус, заложив крутой вираж, разворачивается для экстренной ретирады.

– Все, нам пиз... – печально подытожил Борман. – Федя убьет за тачку...

Глава 2

Нет, что ни говори, а Федя у нас не злой.

Вот прикиньте: вы дали другу машину – прокатиться, строго предупредили: смотри, аккуратнее, только что из сервиса... А он вернул вам ее без заднего стекла и с похожим на дуршлаг багажником?

Согласитесь, тут могут быть варианты. От «закатить истерику» и «закатать в дыню» – до радикального «забирай эту железяку, а мне пригони точно такую же новую – или по судам затаскаю».

По окончании первично-истеричного выяснения – нет ли раненых, Федя слегка успокоился, еще раз обошел машину, внимательно осмотрел, и, обхватив голову руками, обреченно пробормотал:

– Вот же непруха... А из гранатомета не пробовали? Вернее было бы...

– Я это... Восстановлю все, – клятвенно пообещал я. – За свой счет. Вот получка будет...

– Ты лучше свою тупую башку восстанови, – рассеянно пробормотал Федя. – Чтоб она не заставляла твою тупую ж... лезть в такие места, где ее могут порвать на британский флаг. И не тащила за собой другие ж... – такие же тупые и е... на всю голову...

Я не стал цепляться к анатомическому парадоксу, прозвучавшему

чавшему в последнем предложении – Федя в прострации, ему простительно – а просто изобразил покаяние и покорно промолчал. Иронизировать в такой ситуации – себе дороже, это мы уже проходили.

Ладно, Федины переживания пока оставим: докладываю об итогах операции «заполучи, судья, агитку».

Что-что? Кто-то из публики интересуется, почему Федя в прострации. Вроде бы здоровенный мужичара, спортсмен и все такое – какие, на фиг, переживания?! Да не обращайтесь внимания – у Феде комплекс. Природу комплекса доведу чуть позже, а сейчас слушайте итоги.

Можете себе представить: этот любитель неплановых сафари на макак догадался-таки стрельнуть по микроавтобусу съемочной группы! И неплохо, я вам скажу, стрельнул – серьезно повредил им задние двери.

Чудом никого не зацепило: разворачивались они метрах в двадцати, рукой подать.

Вот за это дурацкое деяние – поясной поклон ему от вашего покорного слуги и от всего честного народа нашего славного городка. Потому что столичная штучка от такой выходки пришла в ярость.

– Я его со свету сживу! – за достоверность не отвечаю – передаю с Ленкиных слов. – Я эту сволочь посажу – далеко и надолго! Он у меня в тундре леммингов судить будет!! Там-то его от запоев вылечат быстренько!!!

По-моему, в тех местах, напротив, все решительно спи-

ваются – но это неважно: отзвучав по сути происшествия, штучка похерила утвержденный план, горячо поблагодарила Ленку за животрепещущую тему и немедля умчалась в Москву – готовить экстренный материал для трехчасового выпуска новостей.

Хе-хе... Сомневаюсь, что судьбе грозит что-то из обещанного – он в хорошей обойме и с патологически крепким тылом, – но если материал сгоряча выпустят в минимальной редакции (а у нас такое иногда случается), это уже само по себе будет очень здорово. И для народа славно и мне плюс – факт в биографию. Потом, когда буду лидером, это пригодится (ай да молодец, наш парень, не просто так штаны просиживал, смотри, как активно боролся с произволом!).

Обедали у Гусевых – тетя Галя, как обычно в выходные, напекла ведро пирожков и сварила свой фирменный борщ. Все, кроме Феди, пребывали в приподнятом настроении.

Ленке приключение понравилось. Не полагаясь на столичную съемочную группу, она снимала на свою камеру – получилось весьма недурственно. А то, что по ним стреляли, она просто проигнорировала с присущим непуганому идиоту легкомыслием. Ой, нет, это же про Ленку – лучшую в мире женщину... Ну ладно, пусть будет так: с беспечностью никогда не получавшего огнестрельные ранения человека.

Со мной, думаю, все понятно. На мой взгляд, все получилось значительно лучше, чем планировали: результат превосхитил самые смелые ожидания. Даже если операторы не

запечатлели наши дрянные картинки во всех подробностях, все равно – скандал удался на славу, и при этом никто из наших не пострадал. Так что тут я кругом молодец.

Борман с Ромой были двоякодовольны. Мало того, что отхватили приключение на ровном месте среди бела дня, так ведь еще и поучаствовали в общественно-полезном деянии. Обратите внимание, никто даже на секунду не усомнился, что деяние полезное: это ведь я придумал, а я тут «самый умный и никогда ничего просто так, без скрытого умысла, не делаю».

А, да: Рому тоже кормили – заработал. Единственный из всех получил травмы: поранил битым стеклом палец и мочку уха. Сидит теперь в пластыре и мечет за обе щеки. Впрочем, даже если бы и не заработал, все равно кормили бы. Рома – тень Бормана, регулярно подъездается у Гусевых, он у них почти что член семьи, и единственный из учеников моей школы зовет директрису не по имени-отчеству, а «тетя Галя». Родители Ромы погибли в 2001 году, во время аварии на комбинате. Теперь они с бабушкой перебиваются на ее пенсию и небольшое пособие, выплачиваемое комбинатом.

Галина Юрьевна сияла от счастья – мы ее посвятили в суть акции. Нет-нет, ей глубоко поровну, что там у нас получилось, каков будет резонанс, жив ли вообще судья и его присные или их по ошибке продали в рабство.

Борман не нюхал клей – вот что главное!

У тети Гали комплекс.

И у Феди комплекс.

Заметили? Этакая комплексная семейка.

Я вас сейчас коротко посвящу в природу этих комплексов – а кому не надо, могут сразу перевернуть две страницы и читать дальше со слов «Ну все – п... котенку...»

Наши отцы – мой и Федин, были друзьями. Выросли в одной казачьей станице на Кубани, вместе учились, вместе к девчатам бегали, вместе служили, потом одновременно ушли в запас: мой подполковником, Федин – полковником, и по какой-то там совковой разрядке двинули в этот славный городишко. Освоились, обжились, поменяли ряд должностей, в итоге мой пошел в охрану комбината, Федин – в мэрию. А там у них работа непростая, требующая больших душевных трат и предполагающая регулярные фуршеты: в результате Федин отец очень быстро пристрастился к дармовой выпивке. Ну и, понятно, моего стал «подтягивать» – таскал на разные мероприятия, знакомил с «нужными» людьми и так далее... Дома скандалы были, папахен постоянно подшофе приходил, а то и вообще его привозили и сгружали на коврик в прихожей...

Не знаю, чем бы все это кончилось для моей семьи... но пять лет назад Федин отец умер от алкогольного отравления.

Как сейчас помню – случилось это утром восьмого января. Что поделать, в нашей стране первая новогодняя неделя для многих граждан – период не просто суровый, а прямо-таки зловещий...

Теперь тетя Галя боится, что Борман будет алкоголиком или наркоманом.

За Федю не боится: он парень правильный и ответственный. А Борман-шалопут дает повод для этих опасений и регулярно выпадает из «чисто спортивной» колеи. Иначе говоря, его эпизодически ловят с разными ненормативными запахами и неестественно блестящими глазенками.

На мой взгляд, это нормально: кто из нас в его возрасте не вел себя точно так же? Однако попробуйте это объяснить тете Гале: втемяшилось ей, что ввиду большого внешнего сходства с отцом (просто копия – Федя, например, больше на маму похож) Борман прочно сидит в группе риска, и все тут. И вроде бы педагог со стажем, заслуженный учитель России, а в данном вопросе – дремучая крестьянка: только охи, вздохи, да регулярные истерики, наподобие вчерашней.

Все, по тете Гале доложил, теперь слушайте про Федю.

Федя, если можно так выразиться, болен «комплексом ответственности». Он двадцать четыре часа в сутки отвечает за всех, кто ему близок. Бессменно, бессрочно, без права передачи полномочий.

У меня был старший брат Игорь – Федин ровесник. Они с Федей были друзьями, как и наши отцы, и, возможно, повторили бы их судьбу. То есть отслужили бы, «ушли на дембель», потом один помер бы на Рождество от перепоя, а другой лечился бы от «белочки». Знаете, такой типичный жизненный цикл для многих семей нашей страны...

Однако, Судьба так выкинула кость, что началась Вторая русско-чеченская война и друзья разом угодили в зону боевых действий. Вернее, не совсем разом: Игорь там был практически сразу, с сентября 1999 года, а Федя прибыл в марте 2000 – его в составе какой-то спецкоманды не пойми для чего готовили полгода в тренировочном лагере.

В общем в марте 2000 они встретились во время боя, быстренько обнялись и побежали заниматься делами: Федю команду как раз прислали, чтобы вытащить подразделение Игоря из очередной внеплановой ж... каких случалось на этой войне просто не меряно.

А через полчаса война для обоих закончилась.

Игорь погиб, а раненого Федю эвакуировали на «большую землю».

Оправившись от ран, Федя первым делом накатал рапорт и больше в часть не являлся (в тот период по собственному желанию уволиться было сложно, не отпускали). Уволили его со скандалом, по дискредитации.

Ну вот, собственно, и вся военная история, насчет других подробностей я не в курсе. Что именно там произошло, не знаю, но факт: Федя должен был «прикрывать» Игоря и по какой-то причине не справился с задачей...

С той поры, если Феде случается напиться до помрачения сознания (не буду передергивать, это происходит весьма редко), он плачет навзрыд, бьет башкой в стену и причитает: «Он сказал – прикрой, брат... А я... Я не смог... Не получи-

лось, б...!!! Я последняя сука и п... – ты понимаешь, нет?!!!
Это я его убил...»

Видите, как все непросто? Вроде бы давно было, восемь лет прошло, а все остается по-прежнему. У нас же ведь с этими вояками, тем более уволенными по разным неприятным поводам, никто не занимается. Не сдохли на войне? Ну и радуйтесь – живите себе, как бог на душу положит, никому вы на фиг не нужны, мясо окопное...

До той войны мы с Федей вообще не дружили: он относился ко мне как к пустому месту. Я – слабак – не тянул даже на роль бледной тени своего крутого братца, и, понятное дело, просто был Феде не интересен как личность.

После войны все изменилось. Федя стал принимать живейшее участие в моей жизни и заменил мне брата. И назначил себя ответственным за всех, кто ему дорог. За Бормана, который может стать алкоголиком или наркоманом. За меня – я слабак и меня без него могут легко побить. За Ленку – она вообще женщина, и без сильного мужика не может даже пары шагов ступить.

Как там остальные миллионы женщин, слабаков и склонных к алкоголизму подростков справляются одни – его ни капли не волнует. А за своих переживает, как уже было сказано, круглые сутки. Бессменно, бессрочно, без права передачи полномочий.

Как вы думаете, это комплекс? Я думаю – да. А может даже нечто большее.

Ну а теперь попробуйте поставить себя на место Федя. Согласитесь: не обязательно быть отставным спецназовцем, чтобы по характеру повреждений на автомобиле представить себе, что было бы с Ленкой, Борманом, или мной, если бы этот ретивый макаколюб влупил не по машине, а по кому-нибудь из нас.

– Ну все, п... котенку, – тихо и вполне серьезно заявил Федя. – Хорош уже старому п... резвиться, пора и о душе подумать. Теперь он будет №1...

У Федя есть список главных негодяев города, которые мешают жить хорошим людям. По этому списку будет работать зондеркоманда, но не прямо сейчас, а несколько позже, когда для этого придет подходящее время. Хе-хе... (А может вовсе и не «хе-хе»? Когда об этом заходит разговор, Федя загадочно улыбается и подмигивает. Напомню, он у нас любит обстоятельно приколоться – по настроению, но... Кто знает, может это и не приколоться вовсе, а еще один комплекс, но латентный, не имеющий пока что явных проявлений...)

Как бы там ни было, но судья теперь в этом списке – №1. Так что, даже и не знаю, что думать...

* * *

После обеда я привычно воспользовался компом Бормана (я, между прочим, от его имени блог веду – а все думают, что это он сам такой весь из себя умный и вундеркинDISTый): на-

скоро поковырялся в сети, собрал кое-какую информацию и скинул на принтер. Это «домашняя заготовка» для легионеров – в формате предстоящих переговоров. Если все пойдет как я задумал, в нужный момент предъявлю и дополнительно озадачу – пусть поморщат репы, да понервничают слегка.

В три пополудни посмотрели выпуск новостей на N канале.

Смотрели, затаив дыхание: сами понимаете, в нашей до упора демократической стране всегда возможны варианты, от туманного «материал отредактирован в соответствии с требованиями руководства» до простого и ясного «сюжет снят с эфира без каких-либо объяснений». Борман записывал весь выпуск новостей на видеомэгафон – для истории.

Столичная штучка не подкачала: сюжет получился – застрелись!

Не знаю, каков у них был общий объем отснятого материала, но создавалось такое впечатление, что все показали совсем без купюр, в первозданном виде.

Судья добросовестно стрелял и на полставки работал ярмарочным павианом: дико вопил, некрасиво скакал и пучеглазо тарасился в стремительно удирающую камеру, корча при этом какие-то просто мерзейшие рожи.

Плакаты на заборе, заботливо увеличенные профессиональной аппаратурой, радовали глаз мельчайшими подробностями и длиннющим стоп-кадром: их показывали минуты

три, в двух статичных ракурсах, пока штучка за кадром ядовито-ласковым голосом вещала о злодеяниях судьи, которые, собственно, и были запечатлены на плакатах – и не сказать, чтобы уж совсем в гротескной форме.

Ах да, кто-то из аудитории напоминает, что содержание плакатов, равно как и злодеяния судьи, не были доведены до сведения широкой публики, а телепатов подвезти забыли – так что людям остается только домысливать, какие картинки мы смотрели в пятнадцатичасовом выпуске новостей и о чем вещала за кадром столичная штучка.

Ради бога извините, совсем из головы вылетело. Сей же момент исправляюсь.

Судья вообще немало хорошего сделал для жителей нашего города, но три его последние выходки были особо отмечены широкими массами и нашли должный отклик в людских сердцах.

Выходка №1. «Челюсти»

Иноземец-строитель имел необузданное желание крепко и внезапно приласкать юную деву, возвращавшуюся вечером от подружки домой. Поскольку дева отчаянно сопротивлялась и желание не сбылось, иноземец весьма основательно покусал деву. Короче, едва до смерти не загрыз – хорошо, пацаны проходили мимо, вмешались¹.

¹ (от автора) Вот только попробуйте обвинить меня в разжигании нац. розни и передергивании фактов! Данный случай произошел с моей знакомой в городе, где я живу, это могут подтвердить несколько десятков человек. А материал для двух эпизодов, приведенных ниже, взят из документальной телепрограммы, ко-

Несмотря на вопиющую виновность и, казалось бы, сто-процентную перспективу посадки, кусучий иноземец был оправдан и освобожден из-под стражи в зале суда.

Выходка №2. «Мечь и закон»

В 16-этажной «свечке» – это в двух кварталах от комбината, в новом микрорайоне – соплеменник кусучего иноземца, работавший там дворником, напал в подъезде на девятилетнего мальчишку и пытался изнасиловать. Папаша мальчишки выскочил из квартиры и быстренько забил иноземца до смерти.

Нет, понятно, что папаша погорячился, но... Представьте себя на его месте. Вы уверены, что стали бы читать насильнику лекцию о том, что его деяния не совсем совпадают с нашими представлениями о поведении гостей из иных стран, и отнюдь не способствуют укреплению дружбы между народами?

Короче. Папаша-линчеватель получил девять лет «строга-ча» и уехал осваивать мордовские просторы.

Выходка №3. «Назад, в Спарту»

В январе у нас сгорел «стардом», располагавшийся в северо-западном пригороде. Сгорел, как спичка, дотла, за семнадцать минут, вместе с двумя десятками обитателей.

О том, что это поджог, знает любой вменяемый житель нашего города. Об этом же, не моргнув глазом, заявили в камеры местного телевидения пожарники на месте происше-

ствия, милиция и прокуратура. И все знают, что заведующий этого пансионата – тов. Уяев, двоюродный брат председателя совета директоров строительной компании, которая в настоящий момент возводит на пожарище «элитную» многоэтажку. (Кстати, кусучий иноземец – как раз с этого самого строительства.)

В общем, вы, наверное, уже и сами догадались: тов. Уяев оправдан. Подчистую.

Да, думаю, следует заметить, что «иноземство» оправданных в данном случае совершенно ни при чем, просто так уж все совпало. Будь на их месте наши мерзавцы, коренные, никто бы не стал относиться к судье лучше. Мерзавцы – они и в волшебной стране Блюмбосипиздумии мерзавцы, с ее мельхиоровыми закатами и фиалковыми SPA-дождями, а правосудие должно быть беспристрастным даже в преисподней.

А теперь: картинки в студию!

Вот что было у нас на плакатах.

По центру – пожарище (черные головешки с вялыми языками пламени, обугленные берцовые кости и черепа) из которого вырастает остов многоэтажного дома. Под домом стоит дородный товарищ в черной мантии и белом парике, подняв руки вверх (стрелка с надписью «майна»!!!), которому два веселых иноземца в монтажных касках спускают на краше пухлый мешок с баксами. Слева от дома кустики и окровавленная, зверски искусанная девица. Да, каюсь, гротеск получился, такое впечатление, будто акула поработала. Ну

так это ведь карикатура, правильно?

От кустиков вдаль – в верхний левый угол плаката убегают огромные челюсти на тонких ножках, но в тубетейке. Стрелка, надпись: «Свобода! Да здравствует ВАШ суд – самый гуманный суд в мире!!!».

Справа от дома-пожарища – автозак увозит вверх по плакату печального долговязого мужика, вцепившегося в прутья решетки. Стрелка, надпись: «Ну и кто теперь будет их кормить?!». Те, кого некому кормить – плачущая мать и двое детей, остаются в самом низу, в правом углу плаката.

Как видите, плакат не особо забит сюжетами, там довольно просторно и, если знаешь, о чем речь, воспринимается все буквально на раз – можно было бы и без надписей обойтись.

Рисовал Ромчик. Есть у парня явная склонность. Сюжеты придумал ваш покорный слуга. Не бог весть что, но, согласитесь, все же лучше так, чем совсем ничего.

В общем, как видите, репортаж получился на пять баллов. Наши дрянные картинки посмотрела вся Россия, судья опозорен, так что теперь можно идти в кабак и пить шампанское. Даже Федя за нас порадовался, и, подпав под влияние общего настроения, воспрял духом и повеселел.

В таком вот приподнятом и боевитом состоянии мы покинули гостеприимные апартаменты господ Гусевых, проводили Ленку до дому и двинули к месту встречи с «легионерами» – на спортплощадку техникума.

К спортплощадке техникума мы подошли без пятнадцати четыре.

Где-то я читал, что на такие мероприятия противные стороны стараются прибыть секунда в секунду. Типа: часы бьют раз – появляются машины, а когда отзвучал шестнадцатый удар, все уже стоят на рубеже переговоров и едят оппонентов глазами. Это потому, что привычное для нас «плюс-минус минута» могут превратно истолковать: пришел раньше – слабость, трусость, заискивание; пришел позже – неуважение. Представляете, какая дичь? Люди вообще странные создания: на каждом шагу создают себе сложности в виде каких-то ненужных ритуалов, а потом героически их преодолевают.

У нас опыта проведения мероприятий такого рода не было, поэтому мы забили на все ритуалы, пришли, как получилось, сели на трибуну и стали ждать.

Из спортзала доносятся приглушенные окнами звуки спортивного сражения: по выходным в техникуме всегда кто-то играет.

А здесь, на трибуне, тихо и уютно: из живых в тылу техникума только мы да дюжина буйно цветущих молодых яблонек, агрессивно обступивших развесистый пожилой клен. Клену непросто в таком гареме, но он держится молодцом:

гордо выпрямил ствол, вцепился ветвями в роскошные прически яблонек и теперь при каждом порыве ветра треплет наглых молодух за космы, пригибая их к земле – в общем, не дает спуску. А яблони-злюки только стонут да покачиваются в такт: клен в три раза толще и на голову выше, попробуй справишься с таким буяном!

Хе-хе... Получилась этакая доморощенная ботаническая лирика. Я хоть и не склонен к сантиментам, но сегодня редкостно замечательный день, удачный во всех отношениях. Душа поет и лучшие чувства просятся наружу, в любых привычных предметах окружения видится что-то романтическое и прекрасное. И фиг с ним, что сейчас надо будет производить «терки» с «легионерами» – для меня это вообще не вопрос. Эти бритые хлопцы нам по эмм... по гульфик – сейчас мы сделаем их одной левой.

Если кому интересно, могу в общих чертах ознакомить аудиторию с проблемой, из-за которой мы с вами здесь сейчас находимся.

Курящие есть? Если да – присоединяйтесь, покурим за трибуной (Федя не курит, куряк не любит и постоянно устраивает мне по этому поводу геноцид), заодно все и расскажу. Некурящие могут оставаться с Федей – но внятного рассказа вы от него вряд ли добьетесь: он про «легионеров» кроме «м...ки» и «п...сы» ничего другого не скажет.

Итак, «Славянский Легион» появился у нас немногим более полугода назад.

Возле локомотивного депо на окраине города есть древний спортзал с аутентичным названием. В советские времена там было несколько спортивных секций, потом все заглохло – деповские там по выходным играли да разные собрания проводили.

В начале ноября прошлого года Федя подъехал к этому «Локомотиву» договориться с деповскими насчет праздничного турнира по всему подряд (да-да, это оно самое – совки мы, совки, у нас до сих пор на ноябрьские праздники устраивают развлекуху для народа: соревнования, конкурсы, гуляния с буфетами, гармошками, групповыми драками и так далее).

В общем Федя подъезжает и видит следующее: бетонный забор вокруг зала, железные ворота, калитка. На калитке табличка: «Славянский Легион».

Что за чудеса? Неделю назад ничего не было – в пятницу мы приезжали сюда в футзал гонять, деповские зазвали на матч-реванш (еще неделей раньше мы им вломили на своей территории – по самое не балуйся). И никто даже ни полусловом – а ведь у нас городишко небольшой, все новости сразу становятся достоянием общественности.

У калитки домофон и камера, все как у настоящих. Федю сразу рассмотрели и пригласили на чашку кофе. Федя не гордый, пошел, пообщался. Потом рассказал о впечатлениях. Вождь у них – парень ничего, крепкий, спортивный и вроде умный... Но наглый – застрелись! Оказалось, про нас он уже все знал, поэтому без обиняков, с ходу, предложил Феде влить «Патриот» в «Легион» и занять почетное место вице-президента вновь образованного сообщества. Эка его растащило, бедолагу! Огромное вам спасибо за такое трогательное доверие...

А, да, вначале он изложил их программу и поделился планами на будущее.

Феде, сами понимаете, предложение не понравилось, а над планами и программой он откровенно посмеялся. На тот момент личный состав «Легиона» насчитывал аж целых восемь человек (все пришлые – из Питера), и вообще, все это было больше похоже на какую-то скверно организованную художественную самодеятельность в учреждении для умственно отсталых.

Короче, наш вождь отказался. Вождь «легионеров» (Усольцев его фамилия) все понял правильно и не стал закатывать истерики: сказал, что наши пути непременно пересекутся и не раз, вручил визитку и просил без церемоний обращаться в любое время – буде вдруг возникнет необходимость. На том и разошлись.

Естественно, мы тут же принялись наводить справки и до-

вольно быстро в подробностях разузнали, что это за диковинные звери такие, и какими грибами их лучше всего кормить.

Если кто не в курсе, «Славянский Легион» не имеет никакого отношения к «скинам», «фашикам» и прочим «наци». По крайней мере, декларативно. У них даже есть такая речевка:

*Мы не нацисты!
Мы не скины!
Мы русские дети
Великой Страны!*

Видите, как все конкретно. Сразу отмежевываются, чтобы вопросов не возникало. Но... Русские? То есть прочим нациям – не беспокоиться?!

Ну нет, отчего же? Хохлы, белорусы и прочий православный люд – добро пожаловать. Остальные в самом деле могут не беспокоиться. Пока. Пока «легионеров» не так много. Когда их станет побольше, думаю, повод для беспокойства найдется. А то и не один.

«Легион» – это славянское братство. Вполне легальная, зарегистрированная общественная организация, в уставе которой написано, что основная ее цель состоит в консолидации славянской молодежи на почве возрождения духовных ценностей и исторического наследия предков. Штаб-квартира у них в Питере, филиалы в Москве, Харькове, Минске и

Новосибирске – ну а теперь и у нас. Зачем вообще они у нас тут окопались – ума ни приложу. Москва рядом, там у них один из самых крупных филиалов. Наверное, привлекло то обстоятельство, что рабочий городок и много молодежи.

Что нам в этом «Легионе» не понравилось? Озвучу свою позицию, в этом плане Федя со мной солидарен.

Нет, не подумайте ничего плохого: я, как любой вменяемый русский человек, категорически за то, чтобы разом выслать из страны всех иноземцев и выгнать из состава Федерации прожорливый, проблемный и совершенно никому не нужный Кавказ – за исключением Осетии. Осетины нам братья по вере, это наш форпост, а остальной Кавказ пусть очень быстро идет куда хочет и кормит себя сам: я не желаю оплачивать из своего кармана имперские амбиции наших мудрых правителей.

По этому пункту наши с «Легионом» позиции совпадают.

Но тут вот какой нюанс... У нас в «Патриоте» татары есть. Нормальные ребята: кроме пользы мы от них ничего не видели. О том что это татары вспоминаем только в Рамадан (они сладости приносят, объявляют, что у них праздник и всех подряд угощают) или когда Радик пристаёт, чтобы взносы сдавали. Я обычно всегда напоминаю: эй, товарищ, ты ничего не перепутал? Мы вам дань уже полтысячелетия не платим!

Есть несколько армян – тоже славные ребята, отменные борцы.

У Феда лепший кореш – грузин (это тот самый завхоз, кстати, тоже бывший борец: все Федины друзья – спортсмены).

Еще у нас есть Толик Тан По, на общественных началах, бесплатно, ведет детскую группу у-шу: так он вообще, страшно сказать – китаец! Мы его зовем хун-хузом, он прикалывается: а знаете, говорит, какая разница между хун-хузом и хун-во-ебином? И не все ведь знают!

А что делать с Фединым одноклассником и лучшим другом Магой (Магомедом)? Его отец в нашем городе не одно поколение борцов воспитал, сам Мага давно мастер по двум видам единоборств, ведет у нас в клубе юношеский панкратион – и тоже бесплатно, за «спасибо».

Если Кавказ очень быстро пойдет куда хочет, с ними – как? А ведь они у нас уже почти что коренные, Мага родился и вырос здесь.

В общем если с пристрастием разобраться, в Легион нам нельзя – у нас много лишних товарищей, не подпадающих под их требования. Чистку делать мы не собираемся, так что, сами видите – нам не по пути.

Мы полагали, что «Легиону» в нашем городе ловить нечего – на фоне стабильного и самодостаточного «Патриота»... И здорово заблуждались. За полгода функционирования к ним перебежали более полусотни наших людей. Если точнее: 62 человека. Причем, не самые худшие люди.

Странно... Не раз задавался вопросом: какого рожна им

там надо? «Патриот» во всех отношениях лучше! У них тот же военно-спортивный клуб плюс поисковая работа – но без приличных тренеров и регулярных массовых мероприятий праздничного характера. Более того, организация у них сугубо сектантского типа: никого к себе не пускают, не общаются (сколько раз звали играть, отказываются – некогда, мол), блюдут жесткую дисциплину и разводят никому не нужное чиновничество – типа как в армии. Командиры отделений, взводов, субординация, распорядок, короче – жуть! Может, людей привлекает конспирация и этакая нарочитая таинственность? Они все предпочитают делать втихаря, скрытно и в ночное время – неважно, ходят ли бегать на полосу препятствий или играть в пейнтбол на заброшенном стрельбище, ездят на раскопы по местам боев, или просто пузо чешут.

В общем не знаю, что там у них такого привлекательного, но факт: наша юная смена, как это ни печально, относится к «Легиону» с каким-то нездоровым пиететом. Поначалу мы приготовились к проблемам: думали, наши будут регулярно лупить бывших соратников (город маленький, пересекаются регулярно) и нам придется по каждому такому случаю устраивать разборки с руководством «Легиона».

В действительности же все получилось с точностью до наоборот. За полгода не было ни одной межкорпоративной драки, и, как это ни горько, но на данный момент еще несколько десятков наших выкормышей смотрят в ту сторону с каким-то непонятным вожделением. Иными словами, в

любой момент могут перевернуться! Короче, черт-те что и сбоку бантик...

Реально с их руководством мы конфликтовали всего один раз – и то, дальше слов дело не пошло.

Знаете, наверное, кто такие ренегаты? Это плохие люди, которые перебежали к врагам, а потом своему прежнему коллективу всякие гадости устраивают. Ну так вот, парочка имбицилов – бывшие наши – пробовали закрасить надпись у калитки в заборе школы, а поскольку руки растут не совсем из плеч, а голова взяла перманентный отпуск, были пойманы и примерно отлупцованы. После этого к нам подъехал тов. Руденко (это комиссар «Легиона»), сказал что в их организации свято блюдетсЯ принцип «око за око» и наши методы их совсем не восхищают.

– Это уже не ваши люди. Так что вы не имеете права поступать с ними, как вам вздумается. Закрасили надпись? Придите, сорвите табличку у нас с калитки – слова не скажем. Нет, задачу им никто не ставил, это глупая самостоятельность и мы за это их примерно накажем. Но вы тоже неправы. В общем на первый раз ограничимся предупреждением. Еще раз позвольте себе такое – будем общаться более предметно...

Хорошо, что Федя в это время отсутствовал (возил команду на лыжные соревнования) – я разговоры говорил. А то он нарисовал бы с ходу этому Руденко, разгребались бы потом. Это ведь у нас их – чуть более полусотни, а в целом по стра-

не и постсоветскому пространству, в самом деле – легион. Кроме того, судя по той информации, что удалось добыть в сети, СМИ и через Ленкиных питерских коллег, у этих полувоенных сектантов в самом деле довольно зловещая репутация и когда возникают спорные вопросы такого рода, с оппонентами они особо не церемонятся. Вроде бы даже кое-где речь шла о каких-то странных исчезновениях и трупях. Мне, кстати, немало труда стоило убедить Федю, чтобы он относился к этому вопросу со всей серьезностью: он таки хотел задним числом их построить, когда приехал с соревнований.

Я мог бы еще кое-что про «Легион» порассказать, но не буду – они нам никто, за популяризацию не платят, так что перетопчутся.

Переходим к событиям вчерашнего вечера, насыщенного нешуточным драматизмом и экспрессией.

* * *

В то время как мы с Федей развлекались в «Эре», Борман с Ромой и прочими культурно отвисали в ДК «Ацетон» – поговаривают, что вроде бы даже без пива и «колес».

Где-то в половине десятого вечера подошли юные «легионеры» под руководством «старшака» и с ходу поперли из клуба группу юных же иноземцев (это рабочие с той самой «элитной» стройки). Нет-нет, это не какая-то внезапная выходка, а, скорее, норма: «легионеры» так делают всегда и вез-

де – сначала выпрут иноземцев, а потом уже с чистой совестью отдыхают. Их братия иноземного присутствия на дух не переносит. И, что характерно – наши юнги никогда им в этом не препятствуют (а могли бы при желании – их намного больше), а при случае, хоть это и неловко признавать, могут и помочь!

Надо отметить, что иноземцы могут додуматься прийти в «Ацетон» только в том случае, если они радикально культурные, либо укуренные до нулевого цикла и им уже все сугубо по гульффик: каждый третий на дискотеке – член клуба «Патриот», а у нас есть негласная директива решительно пресекать любые бесчинства иноземного характера. Понятно, об чем речь? Толчок, грубость, плевок на пол – в общем любое неверное движение – моментом можно огрести так, что строить потом будет некогда, поскольку придется долго и дорого лечиться.

Вчерашние «ацетоновые» иноземцы были культурные. То есть, по логике, должны были безропотно подчиниться «легионерам» и избавить местное общество от своего присутствия.

Однако, вопреки обыкновению, иноземцы почему-то уперлись и попробовали качать права, ссылаясь на какого-то авторитетного товарища, который разрешил им отдыхать до закрытия дискотеки (во избежание неприятных встреч они обычно в начале десятого вечера организованно сматываются: «легионеры» раньше не приходят, у них все плановые ме-

роприятия заканчиваются в 21.00).

Зря они так! «Легионерам» только повод дай: на бред про авторитетного товарища они и ухом не повели, мгновенно выволокли иноземцев во двор и с энтузиазмом приступили к терапевтическим процедурам.

Несложно домыслить, чем бы закончился этот томный вечер для начинающих строителей, но в самый разгар процедур очень своевременно нарисовался тот самый «большой человек», который в кустах неподалеку обжимался с какой-то юной проказницей.

Вы, наверное, уже догадались, что «большой человек» – не кто иной, как Борман. А вот что это за юная проказница, мы таки не догадались, и теперь этот вопрос изрядно занимает и меня и Федю.

Борман с ходу оповестил инициаторов процедур, что иноземцы состоят под его протекторатом, а поскольку «легионеры» были уже глубоко в процессе и на заявление должным образом не отреагировали, по старой памяти быстренько написал в дыню всем, у кого туго со слухом. Рома, естественно, помог ему маленько – как же без этого.

Помимо «старшака» (крепкий парниша лет двадцати пяти – «командир отделения», или «сержант», по их табели о рангах), все остальные там были наши воспитанники, так что связываться с Борманом никто не пожелал. А тут еще публика во двор высыпала, полюбоваться на забавы молодецкие, среди публики полно наших – попробуй только дернись!

Сержант пристыдил своих юнг за малодушие, а Бормана обвинил, ни много, ни мало, в предательстве интересов нации и пособничестве иноземцам.

Сурово, правда?

В ответном слове Борман, долго не раздумывая, предложил простейшее решение проблемы:

– Да, слова говорить ты умеешь. А теперь разминайся – посмотрим, как ты ответишь за эти слова...

То есть, сержант выходит с ним на поединок – здесь и сейчас. По итогам поединка обвинение в предательстве будет либо пересмотрено – с извинениями, либо подтверждено. Равно как и вопрос о пребывании иноземцев в «Ацетоне». Поединок без оружия, до нокаута либо сдачи. Правил нет.

Сержант гордо заявил, что детей не бьет – не так воспитан, на что Борман мгновенно выдал безупречную в провокационном плане заготовку (это сугубо Федино – как впрочем и предыдущий «перл»):

– У вас в «Легионе» все такие дрищи, или это мне так свезло?

«Сержант», может быть, парень неглупый – командир все-таки...

Но он – парень.

А тут еще публика вредная, охочая до кровавых зрелищ, заулюлюкала, завыла, загудела вразнобой. Ну и сорвался сержант: выдал маловразумительный боевой спич (по показан-

ниям очевидцев, и за вычетом мата, что-то вроде: «ну, держись, сопляк – хамишь ты как взрослый, так что и получишь не по-детски...») и бросился на Бормана, как и подобает сильному и глупому воину.

Борман же, скотина этакая, не рубанул сержанта на три счета, как и подобает порядочному пацану, а принялся играть с ним на потеху публике, аки сытый кошка с соседским хомяком. Гонял оплеухами по кругу (представьте, каково# взрослому получать пощечины от такого салабона), несколько раз ронял наземь и совсем уж неблагородно пинал в задницу, громогласно отпуская тупые шутки по поводу бойцовских качеств легионерского комсостава.

В общем вел себя вполне скотски: Федя – образец, никогда бы себе такого не позволил. Тем более в публичном бою.

Прискучив играть с «сержантом», Борман расчетливо и безжалостно нокаутировал его. После чего велел «легионерам»:

– Хватайте тушку и валите, пока я добрый...

«Легионеры» подняли поверженного командира и безропотно покинули поле боя. Борман (вот ведь неугомонное животное!) вслед им крикнул: передайте свои «дрищам», чтобы впредь иноземцев трогать не смели. Потому как они (иноземцы) тоже люди, и если ведут себя пристойно, никто не имеет права гнать их из «Ацетона» и прочих высококультурных учреждений развлекательного типа.

Вот такая получилась зарисовка.

Знаете поговорку: «мир не без добрых людей»?

Пока Борман глумился над «легионерами», в толпе нашелся доброхот и позвонил Феде.

Случилось это в самый разгар веселья – я успешно флиртовал с симпатичной редакторшей отдела «Химия в массы» и пребывал уже в двух шагах от недвусмысленного предложения. Не знаю, чего там Феде наговорили, но был он багров, подобно закату накануне расстрела, и так расстроен, что даже не поинтересовался, как там у меня обстоят дела – а просто грубо оторвал от дамы и, пересиливая музыку, рявкнул в ухо:

– Все бросай, помчались! Борька развязал войну с «Легионом»...

Ну что ж, помчались, так помчались. Редакторша – местная, никуда не денется: долюблю потом, если выпадет случай.

Насчет войны, это, конечно, сильно сказано – но не исключено, что если бы мы своевременно не отреагировали, дальнейшие события развивались бы по несколько иному сценарию.

Приехали, пообщались с публикой. Борман, естественно, все интерпретировал в свою пользу: пришлось пристрасно опрашивать очевидцев и на основе обобщения разрозненных мнений составлять резюме по происшествию. Потом возникла необходимость топтать в «Патриот», за визиткой вождя «легионеров», так что первый контакт установи-

ли уже около полуночи.

Усольцев сообщил, что находится на выезде, но по происшествию в курсе и держит руку на пульсе, а все вопросы можно порешать с Руденко. Вот номер.

Позвонили Руденко.

Общался я (Федя был на взводе, что очевидно не способствовало решению деликатных вопросов): выразил сожаление по поводу произошедшего, уведомил, что мы уже во всем разобрались и высказал пожелание как можно скорее встретиться – разрулить ситуацию.

Руденко сказал, что он как раз разбирается по существу вопроса, сейчас поздно, а встречаться будем завтра – он позвонит и скажет, когда и где.

Ну вот, уже какое-то взаимодействие.

С утра Руденко позвонил Феде и пригласил встретиться в 16.00 на нейтральной территории.

Занятно. Не сказал: я к вам подъеду – «перетрем», не пригласил к себе... И как прикажете это понимать?

* * *

Не успел толком покурить, слышу – Федя с кем-то спорит по телефону. Причем не в привычном гусевском формате – иронично и покровительственно, а с какой-то безысходностью и даже обреченностью. Ни дать ни взять – лев, обманом загнанный в клетку. То есть он, конечно, самый сильный и

страшный и легко порвет любого в радиусе видимости... Но он – вот ведь незадача! – в клетке, и теперь сила и грозный вид уже не играют никакой роли.

Теперь им командует укротитель. В нашем случае – укротительница.

По ряду причин я стараюсь держаться в стороне от их интонаций, урчаний-рычаний, и прочих хищных изысков.

Но... Обреченность?! За десять минут до такого ответственного мероприятия это нам нужно меньше всего. Поэтому я глубоко затынулся в последний раз, с сожалением затоптал жирнющий окурок и вернулся на трибуну.

– А я сказал... Не, погоди... Не, ну... Ну мы же вроде бы определились...

Впрочем, не буду восстанавливать целиком Федину половину диалога – там одни междометия, и какой-то вообще детский лепет. Негоже в таком виде выставлять сильного мужчину, а то у вас еще сложится превратное впечатление.

Отговорив по существу, побагровевший Федя качнул телефон в руке, примериваясь – не запустить ли им в ближайший баскетбольный щит, но сдержался, сунул трубку в карман, и, шумно выдохнув, буркнул:

– Поедешь с Ленкой. В Москву.

– Эээ...

– В 17.15, на экспрессе.

– А что ж раньше-то...

– Ты меня спрашиваешь?!?!

Ну е... А я, наверное, болен? Или, может быть, у меня кто-то срочно умер... Нет, это не поможет, проходили уже...

Так, секунду: сначала дело, потом рефлексии.

– Спортзал – Акимов – баскетбольный мяч, – я хлопнул Бормана по плечу и кивнул в сторону спортзала. – Если Акимов играет, подойди к Равшану. Скажешь – Федя просит.

– На кой буй мне твой мяч?!!

– Думаешь... – усомнился было Борман.

– Надо, – подтвердил я, выразительно постучав ногтем по циферблату часов. – Давай.

Борман послушно припустил к спортзалу – в таких вопросах он мне доверяет безоговорочно. Рома неотступной тенью последовал за ним.

Теперь рефлексии.

– Слушай... Может быть...

– В 18.00 генеральная репетиция. «Откосить» не получится – подставлю всех. Одну не отпущу – сам знаешь. Ты мне на прохождении не нужен, так что...

– О! А может, Бормана отправим...

– Совсем с дуба рухнул?!

Да, это я сгупил, не подумав. Просто я в панике, лихорадочно цепляюсь за любую возможность как-то поправить ситуацию, вот и выдаю «косяки».

И что мне теперь делать?

Я не люблю Москву. Она рядом, но я туда езжу только по острой необходимости, когда другого выхода нет. Еще я

ненавижу ездить куда-нибудь вдвоем с Ленкой.

А тут с Ленкой – в Москву. Внезапно. Буквально через час. И самое печальное – отказаться нельзя.

Федя, как и я, Москву не любит и считает неприятным и опасным городом. И правильно считает, есть для этого все основания. Поэтому он запрещает Ленке ездить туда одной.

Ленка на эти запреты, как бы это помягче... Гхм-кхм... В общем она их игнорирует.

Поэтому правильнее сказать так: Федя каждый раз пытается убедить нашу красавицу, что ей не стоит ехать в этот никчемный дрянной городишко, а когда это не удается (а это не удается почти никогда), вынужден бросать все дела и эскортировать Ленку, куда ей заблагорассудится.

Надо сказать, что Ленка – товарищ пунктуальный и обязательный, о Федином комплексе прекрасно знает, ни разу не предприняла попытки удрать из-под конвоя и всегда уведомляет о своих намерениях. Правда, эти уведомления частенько поступают за два-три часа до отъезда, что не лучшим образом сказывается на Федином перспективном планировании и порой повергает его в состояние тихой истерики (примерно как сейчас). А поскольку Федя иногда уезжает из города по делам, мне в такие моменты приходится все бросать и работать офицером сопровождения. И вот эту работу я ненавижу больше всего на свете.

Завтра у нас будет парад, или торжественное шествие – это уж как хотите, в честь Дня Города. Да, вы правильно по-

няли, теперь про эту кондовую «совковость» я говорю без малейшего намека на умиление.

«Патриот» традиционно выставляет парадную «коробку» и топаёт по площади впереди всех предприятий и организаций. Все рослые и ладные члены клуба одевают белые перчатки, начищенные до блеска «берцы», береты, выглаженный камуфляж с эмблемами, шевронами и прочей клубной атрибутикой, берут штандарты и чеканят шаг – гордо и красиво.

Я отчасти рослый, но совсем не ладный – «дрищ» я, если следовать сугубо гусевской классификации типов. Меня на прохождение не берут, поэтому на сегодняшней генеральной репетиции я Феде не нужен.

Борман в качестве эскортирующей единицы никуда не годится. С Ленкой на пару они обязательно попадут в историю. Потому что Борман у нас – чудовище.

Место ему только в родном городе, где его знает каждая собака. За пределы города его без присмотра отпускать нельзя. Увы – это не риторика, все неоднократно проверено на практике.

Если Борману по пути попадет компания незнакомых подростков-славян – с пивом и щедрым русским разговорным во весь голос – обязательно сделает замечание (причем в непозволительном тоне) и спровоцирует драку.

Попадется группа горячих кавказских юношей с прическами, гортанными возгласами и наглыми взглядами – ска-

жет, что пялиться на наших девок не надо, а надо стричься и говорить потише. Если этого будет мало, еще что-нибудь скажет – про кавказскую маму, например, все в том же непозволительном тоне, – но драку спровоцирует обязательно.

Подвернутся под руку иноземцы с запахом анаши, насваем и традиционными зелеными плевками на пол – обязательно спровоцирует.

Напорется на «скинов», «фашиков» и вообще на любых бритых личностей с определенным стилем одежды – спровоцирует с особым цинизмом.

В общем кто бы ни попался – спровоцирует. Не будет людей – спровоцирует каких-нибудь псевдолетучих гиппопотутов или двоякодышащих сурикатов.

Нет, не спрашивайте меня, я не знаю, зачем он это делает! Но факт – он это делает.

Короче – чудовище.

А Ленка у нас – непуганый идиот. Ой, опять я – нельзя так про самую лучшую в мире женщину!

Скажем так: ее ни разу в жизни не били. Она целый год ходила на карате и знает такие страшные слова, как «мава-си-гери» и «цуки» (подозреваю, что последнее – не совсем то, о чем я думаю).

А главное – у нее самый сильный в мире мужчина. Поэтому она ведет себя как королева, прогуливающаяся по средневековому рынку с эскортом лейб-гвардии и твердо уверенная в том, что любому наглецу, посмевавшему просто даже по-

думать об оскорблении ее величия, мгновенно оторвут голову – и сделают это так, чтобы ни одна капля дурной крови не попала на великолепный наряд царственной особы.

Теперь представьте себе, каково мне – «дрищу», при этой особе работать Федей. И что получится, если отпустить эту особу на пару с нашим чудовищем на букву Б. Не забудьте, что с чудовищем непременно увяжется Рома – тоже неслабый боец, (примерно на пол-Бормана потянет) – а вдвоем они вообще чувствуют себя гигантами. И поедут они не гулять по Арбату, а будут шляться по каким-то сомнительным паркам и окраинам (там Ленка обычно встречается с «персонажами»).

Да, надо сказать пару слов про окраины, парки и «персонажей».

У Ленки «тема» – неформальные молодежные организации. Венец темы – «антифа». На этой теме наша прайм-дива мечтает основательно приподняться и стать наикрутейшим репортером всея Руси.

Если это случится, Феде придется тяжело: подозреваю, что в мире, где правят хищники мужеска полу, такой красавице придется пробиваться наверх не только лишь за счет профессионализма и таланта.

Темой Ленка занимается третий год, и за это время так достала нас своими «антифа» что вы даже представить себе не можете.

Мы с Федей люто ненавидим всех вместе взятых «анти-

фа» земного шара и мечтаем о том, чтобы они в одночасье разом сдохли – и желательно, в страшных конвульсиях. Мы очень надеемся, что когда-нибудь один из наших юных химиков (у нас в городе их полно), нанюхавшись летучих красителей, изобретет такой газ – анти-антифакский... То есть для остальных абсолютно безвредный, а действует только на «антифа». Ракета на старт, пуск, и...

Раз!!! И все – нет ни одного «антифа», тема закрыта. Ленка сидит дома и делает тему на «Патриоте». Да пусть хоть на «Легионе» или на гопниках с левого берега – не жалко. Лишь бы торчала в городе и никуда не каталась.

– Опять «антифа»?

– Ага... Пффф... Ненавижу, б...!!!

– Согласен. Массовка, конференция, интервью?

– Интервью. С лидером, типа. С лидером-пидером, б...

– А где?

– В Леоновском парке. Типа – секретно-конфиденциально.

– И чего там конфиденциального? Их, вон, давеча по телеку показывали...

– Не знаю... Короче, одна нога тут – другая там. Туда – базар – обратно. Никаких отклонений от маршрута, никаких кафе, подружек и прочей мишуры. Чтоб дотемна дома были. Понятно, нет?

– Да понятно. Но если ей куда приспичит – сам знаешь...

– Не приспичит. Обещала никуда не заскакивать. Смотри

там внимательно – что за место, что за люди... Ну, короче, ты понял.

– Понял...

Борман с Ромой притащили баскетбольный мяч.

Я показал глазами на Федю. Борман бросил мяч, Федя поймал, потискал, постучал об нижнюю скамейку трибуны.

– В смысле – 4 на 4 с «легионерами»? Типа, как в «Американской истории...» – кто проиграл, тот идет в ж...?

– Нормально, – одобрил Борман. – Мы их по любому порвем.

– Интересная мысль. Можно будет попробовать: но не здесь и не сегодня.

– Думаешь, не согласятся?

– Думаю, даже и предлагать не стоит. До этого сколько раз звали: все время отказывались. При этом, прошу заметить, никаких разногласий между нами не было. А сейчас они имеют к нам серьезные претензии, так что делайте выводы.

– Не понял... А на фига тогда мяч?

– Отчасти для мизансцены, отчасти для сброса агрессивной моторики...

– Да ты запарил со своей моторикой!!! – Федя метнул в меня мяч – еле отбил (а просто готов был – реакция вполне предсказуемая). – Тебе ж, б..., русским языком сказано: в норме я!!!

– Вот видишь? Я тебе ничего плохого не говорил. Я один

из самых близких тебе людей. А сейчас сюда припрутся злыдни, которых ты терпеть не можешь и начнут предъявлять претензии. И, подозреваю, будут делать это безо всякого пиетета, жестко и эмоционально. Итак: ты в норме?

– Пффф... Че, вообще, мы их терпим?! Перех... всех «командиров», уложить в «травму», выйдут – опять перех..., и опять в «травму» – остальные и не дернутся, и вообще обратно прибегут...

– Легко! – одобрил Борман.

– Да ты вообще молчи – «легко»!!! Из-за кого мы сейчас здесь торчим, унижаемся?!

– Да я ж не хотел...

– Да ты всегда – «не хотел»!!! Тебе вообще башка для чего – чтоб было куда щелбаны ставить?!

Нормально. До встречи пять минут. Спасибо, Ленка, – ты у нас просто прелесть. Без тебя все было бы так упорядоченно и скучно... Как-то я упустил это дело, расслабился: надо было за обедом Федин мобильный отключить, что ли... Ну, тогда и свой, а заодно и Бормана...

– Ну все, хватит – пойдём отсюда, – я спустился с трибуны и подобрал мяч.

– С чего это вдруг?!

– С того, что лучше совсем не прийти, чем выяснять отношения вот с таким настроем.

– Да хорош уже придирайтесь! Чем тебе нам настрой не нравится?!

– Мы не раз обсуждали, почему нельзя радикально пор-
тить отношения с «Легионом»...

– Да пошутил, блин, – непонятно, что ли?!

– А непохоже, что пошутил. Я посмотрю, как ты будешь
шутить, когда придется ехать на опознание некоего юного
трупа с простреленной башкой...

– Э!!!

– Да-да, давай: пробей мне в дыню, вызови «скорую» – и
сам общайся с этими уе...ми, которые будут здесь с минуты
на минуту.

– Ну плятт... В кого ты такой вредный, а? – Федя спустил-
ся с трибуны и отнял у меня мяч. – Давай, излагай: на кой
буй нам мяч. Куда его пихать, и главное – кому?

– То есть ты готов сотрудничать?

– Слушай, хорош уже выеживаться! Они, реально, заявят-
ся с минуты на минуту: выкладывай быстрее.

– Ладно. Слушайте, дети мои, и учитесь, пока папка жив...

Глава 3

А вот «легионеры», в отличие от нас, прибыли ровно в 16.00.

Нет, специальный хронометраж (типа – носок левого ботинка основного супостата показался из-за угла без двенадцати секунд четыре, а на дистанцию различения запаха изо рта он притопал ровно в 16.00) – не вел, но когда Руденко ступил на тень от баскетбольного щита, под которым я томился в ожидании, мои «командирские» показывали ровно 16.00.

Пунктуальные товарищи, ничего не скажешь.

– Привет вам, наследники славы павшей империи.

– Добрый день, – Руденко остановился в метре от меня, руки не подал. – Это, между прочим, и ваша империя тоже.

Сопровождение – пара невысоких, крепких хлопцев (наверняка питерцы – наших я всех знаю) встали по обеим сторонам от старшего, и чуть сзади. Руденко и хлопцы одеты одинаково: в просторные серые ветровки с капюшонами (литера «L» на спине и груди), темно-серые джинсы и тяжелые серые кроссовки не пойми какого производителя. Одежда вроде бы сугубо гражданская, но когда встречаешь двух и более «легионеров» разом, становится понятно, что это своего рода униформа. Не исключаю, что закупают централизованно, как в армии, а ветровки вообще шьют на заказ...

– А я не про Россию.

– А про что?

– Про Рим. Легион – сугубо римское изобретение.

– Понятно. Общаться будем?

– Разумеется. За этим, собственно, и пришли.

– Ну так... – Руденко кивнул в сторону противоположного щита и недобро прищурился: – Позови, что ли: босс, похоже, нас не заметил.

Да нет, «босс» у нас очень даже наблюдательный и интуитивный, можно сказать – спиной чует. Просто на сей момент у нас такая диспозиция: Федя пробивает штрафные, Рома – на подборе (чтобы Феде не бегать за мячом и стоять все время спиной к нам), а Борман, упрятав разноцветное личико в капюшон толстовки, стоит правым боком к нам в дальнем углу площадки.

– Да пусть себе бросает, – я небрежно плеснул ручкой в сторону Феде. – Думаю, мы с тобой сами справимся: давай, излагай.

– Не понял? – Руденко сурово нахмурился. – Это вы что, таким образом нас в стойло ставите?

– Нет, мы таким образом субординацию блюдем, – я доброжелательно улыбнулся. – Вождь ваш будет, нет?

– Он на выезде, не вернулся еще.

– Ну вот, поэтому мы и пришли вдвоем. Федя вообще надеялся, что Усольцев сам подъедет, – сообщил я, подпустив в тон тщательно выверенную порцию укоризны. – Но – нет,

так нет. Думаю, мы с тобой тоже не последние люди в наших организациях – сами разберемся.

Руденко испытующе глянул на меня, перевел взгляд на Федю и, крепко наморщив лоб, взял тайм-аут на семь с половиной секунд. Во взгляде комиссара «легионеров» отчетливо читалась напряженная работа мысли.

Да можешь не напрягаться, коллега, все продумано. Мы ведь тоже не лаптем щи хлебаем: пиво, гильки и прочие шалости – это все наносное, а вообще-то мы педагоги по профилю. То есть отдаленно знакомы с психологией и системным анализом.

Насчет субординации – расчет стопроцентный: идиотизмом это может показаться кому угодно, но только не «легионерам» с их фирменным подвывихом по части командования, дисциплины и чинопочитания.

Прогноз по отсутствию Усольцева – процентов на девяносто пять. Дело щекотливое, обернуться может по-всякому: потеря репутации (да плевать на все – на-ка в дыню, мин херц славянофюрер!) и развязывание тотальных боевых действий в списке перспектив развития наших взаимоотношений едва ли ни на первых позициях. Так что, разумно и грамотно поручить все заму: ежели вдруг что-то где-то не срастется, всегда можно будет сослаться на его недотепистость-некомпетентность и с отческой мудростью поправить ситуацию. Иными словами, будет определенная свобода для маневров.

А вот что совсем не продумано – Федя в зоне штрафного броска. Каюсь, коллега, это экспромт.

Федя умеет нависать и возвышаться. Это такой особый дар – не всем дано, знаете ли. Мы с ним одного роста (178 см), я в два раза тоньше, так что, по логике, должен казаться выше, верно? А вот и неверно. В данном случае закономерность не работает: Федя кажется выше. Выше, больше, крупнее – и смотрит всегда сверху вниз. Как взыскательный дядька-кондуктор на «зайца»-карапуза. А ну-ка, покажи билет, мелочь пузатая...

Это не просто мои личные впечатления. Много лет наблюдая, как Федя общается с другими людьми, я заметил: он нависает и непроизвольно доминирует над подавляющим большинством мужчин, пребывающих в орбите его жизнедеятельности. Что интересно: рост здесь особой роли не играет – даже если это двухметровые баскетболисты, все равно будет нависать и доминировать. Этаким безусловный альфа-самец, которому Природа-мать ненароком отпустила избыточную дозу лидерской харизмы.

Ах, да – чуть не забыл: женщин это не касается. С женщинами наш «альфа» совсем другой.

Руденко сантиметров на пять ниже меня – это я еще в первый раз заметил, когда мы с ним за ренегатов беседовали. Усольцев, кстати, примерно такой же – они и по комплекции схожи, этакие крепыши-коротыши. Впрочем, для меня любой, кто ниже меня – коротыш, а для Феде, как я уже сказал,

рост особого значения не имеет. Над первыми лицами «Легиона» он нависал бы, будь они даже по метр девяносто.

Вот на этом и строился первоначальный расчет. «Привет». – «Привет». – «Где Усольцев?» – «Нету». – «Надо же, какой занятой товарищ ваш вождь! Могли бы предупредить, Димон один бы пришел. Ладно, излагай...»

А дальше – стой себе и нависай, мудро смотри с ироничным прищуром и таким ненавязчивым подтекстом: ты, конечно, болтай, птица-говорун, но не забывай, скотина, кто тут альфа и в какой стороне травматология...

Ну, а я под сенью этого утеса в два счета обрешал бы все вопросы.

Однако после Ленкиного звонка первоначальный план накрылся одним прелестным местом. Какой тут, в гудок, ироничный прищур и мудрые смотрины: самое корректное, что теперь от него можно добиться, это «если с Борькой что-то случится, я всему вашему командованию головы лично поотрываю!». И то, это можно будет считать большим одолжением.

Так что – в штрафную, спиной к переговорщикам, и – щит в твоём распоряжении, можешь выплеснуть на него весь негатив. Благо, не наша площадка, Акимов за нее отвечает (физрук техникума – тоже, кстати, Федин кореш).

Тайм-аут кончился. Прискучив любоваться могучей спиной нашего вождя, Руденко кивнул:

– Ладно. Это уже вроде как традиция: мы с тобой все во-

просы сами решаем.

– Ну, что поделывать: работа у нас такая. Давай, излагай.

– Для начала хочу обратить внимание на два достижения и напомнить об одном очевидном факте, – Руденко официально двинул бровями и перешел в протокольный режим. – Я постараюсь коротко, так что это будет недолго.

– Можешь не коротко и долго: мы не торопимся.

– Хорошо. Безусловное достижение: вы воспитали отличного бойца, – Руденко кивнул в сторону Бормана. – Должен признать: у нас нет ни одного человека, который мог бы с ним тягаться. Даже среди командного состава.

– Угу. Второе?

– Ну и, само собой разумеется, – можно даже не упоминать про того, кто такого бойца вырастил и всему научил, – Руденко безапелляционно ткнул пальцем в сторону баскетбольного щита, содрогавшегося от ударов. – Думаю, если его как следует разозлить, он один уложит весь наш командный состав. В смысле, если вдруг до этого дойдет...

– Угу. Я в курсе.

– Теперь об очевидном факте. Знаешь, этот факт известен всем, но многие недалекие люди почему-то постоянно его игнорируют.

– Нет-нет, мы не такие. Мы всегда прислушиваемся...

– Факт таков: Бог создал людей сильными и слабыми. А полковник Кольт уравнил их в правах.

По завершении этого замечательного изречения сопро-

вождавшие Руденко хлопцы многозначительно повели плечами и без особой необходимости переступили с ноги на ногу. В общем обратили на себя внимание. И только сейчас я заметил, что они держат руки в карманах своих просторных ветровок.

Не понял, они что, оружие с собой таскают?! Интересно...

А хлопцы крепкие (впрочем, у них весь командный состав – парни неслабые), и какие-то на удивление спокойные: не сказал бы, что они как особо рефлектируют в присутствии такого опасного хищника, как Федя.

Почему так себя ведут? Если мое предположение верно и порассуждать чуть-чуть дальше, можно, пожалуй, ответить на этот вопрос: люди обучены обращаться с оружием, имеют практику в его применении и чувствуют, что за спиной у них – надежный тыл. Получается, что побасенка про полковника Кольта – это вовсе не пустые слова?

– Я понятно выразился? – уточнил Руденко.

– В общем – да, все понятно... Гхм-кхм... – я прочистил горло – почему-то вдруг слегка охрип. – Дословный перевод с велеречиво-легионерского на обычный русский: «нас абсолютно не колышет, что вы такие все из себя кабаны и всех в округе побьете одной левой. Будете продолжать в том же духе – будут трупы». Перевод правильный?

– Ну... Нет, вот именно так вопрос, конечно, не стоит, но...

– Про Кольта – хорошо сказал, – одобрил я. – Грамотно. Но, знаешь – как-то выпренно, по-книжному. А может, мы

сделаем так: обойдемся совсем без пафоса и попросту, прямо и честно, без всяких намеков, обсудим разногласия, которые между нами возникли?

– Давай, – кивнул Руденко. – Я обеими руками – за.

– Я тоже. Давай, излагай.

– А чего излагать? Мы оба в курсе, как все было.

– Ну, знаешь, как это бывает: может быть, есть какие-то детали, которые были неверно поданы, превратно истолкованы...

– Да, насчет подачи и истолкования. Прежде всего, мы бы хотели услышать вашу непредвзятую оценку поведения Бормана.

– Слушай, мы же договорились: без пафоса...

– Никакого пафоса, – Руденко непримиримо насупился. – Вопрос принципиальный, так что прошу не уклоняться.

– Так. Ну, что сказать...

– Кстати, вы в курсе, что он взял с иностранцев деньги за «крышу»? Ну то есть за защиту?

Упс... Вот так, ни фиги себе, новости!

Борман, рассеянно ковырявший площадку носком кроссовка, замер и вытянулся в струнку – как прижизненный надгробный памятник самому себе.

Федина спина окаменела: мне показалось на миг, что ней выросли огромные мускулистые уши, тут же мутировавшие в пульсирующий гневом вопросительный знак. Мяч в руках вождя застыл в предшествующем броску положении и опас-

но сплющился.

А я, как обычно, ненадолго впал в ступор. Вы в курсе – это я умею.

Ай да Борман, ай да массовик-затейник... Лихо ты нас, Боренька! Даже и не сообразишь сразу, чем же тут крыть...

В этот раз, однако, физиология в нулевой точке валялась недолго: непосредственной опасности организму не наблюдалось, так что все легко сошло за тщательно выдержанную, эффектную паузу:

– Борман... А ну, покажи личико!

Борман продолжал работать памятником и делал вид, что не слышит: ну да, двадцать метров – это же огромное расстояние...

Федя чуть повернул корпус в сторону меньшего брата и призывно стукнул мячом об площадку. Да – лица вождя я не видел, но мяч в его руках сплющился еще сильнее. Сейчас лопнет.

«Памятник» зло дернул плечом и откинул капюшон толстовки.

– А с другой стороны?

Борман, скорбно поджав губы, медленно повернулся и явил нашим взорам следы великой братской любви.

– А теперь угадай с трех раз, знаем ли мы насчет тех денег, – продекламировал я с неподдельной печалью в голосе. – Ну и, вот, собственно, наша оценка поведения Бормана. Как говорится, результат налицо: и это отнюдь не метафора.

– Да-а, суровые у вас порядки, – то ли осуждающе, то ли одобрительно – я так и не понял – протянул Руденко.

– Ну, так... По заслугам и награда.

Федина спина расслабилась, одобрительно подмигнула мне могучими «крыльями» (молоток – неслабо вывернулся!), мяч благополучно округлился в полном соответствии с первоначальными пропорциями и полетел в корзину.

Борман опять натянул капюшон и вернулся в исходное положение – но площадку носком кроссовка ковырять уже не стал – очевидно, задумался о перспективах на ближайшее будущее.

Ага, правильно – тут есть над чем подумать.

– Если необходимо, могу эту оценку прокомментировать, – счел нужным добавить я. – Борман – м..., мерзавец и чудовище. Воспользовался своими навыками, спровоцировал человека на драку, избил, оскорбил и унизил. А по ходу дела раздружил с языком – оскорблял и поносил за глаза людей, которые к вчерашнему конфликту никакого отношения не имели.

– Ну да, есть такое дело, – одобрительно кивнул Руденко.

– Такое поведение нельзя оправдать никакими особыми обстоятельствами. Ни тем, что спровоцированный – взрослый мужик и подготовленный боец – связался с пацаном, хотя, по логике, не должен был этого делать...

Руденко досадливо нахмурился и принялся без надобности рассматривать носок своего кроссовка.

– Ни тем, что спровоцированный – командир и мыслящий человек – должен был десять раз подумать, стоит ли подвергать свою репутацию такому риску. Ни тем, что вышибание иноземцев из «Ацетона» – махровый, ничем не прикрытый геноцид...

– Минутку! – Руденко утратил интерес к кроссовку и бо-евито вскинул брови. – Почему геноцид? Раньше вы так не считали. И, между прочим, никогда не мешали нам наводить порядок.

– Точно, так и было. А еще раньше – да всего лишь полгода назад – вас тут не было. И никто не выкидывал людей из «Ацетона», фильтруя их по национальной принадлежности.

– Ну что ж – времена меняются, коллега, – Руденко развел руками. – С каждым днем этой нечисти становится все больше и больше. И прут они сюда через кордон, как саранча, и стонет земля Русская под их грязными копытами...

– Слушай, договорились же – без патетики!

– Да разве ж это патетика?! Это от чистого сердца, от души, отсюда вот... – Руденко скорчил гримасу горечи и неожиданно с силой хлопнул себя ладонью по груди. – Патетика... Больно смотреть, как вы – русские люди, братья наши, не замечаете очевидных вещей!

– То есть святой долг каждого русича: объединяться в мобильные отряды и гнать отовсюду иноземцев к е... матери?

– Правильно, брат, правильно! – обрадовался Руденко. – Видишь? Как ни шарахаетесь вы от этого, как ни стараетесь

закрывать на это глаза – а ведь все равно, мыслим-то мы в унисон! От правды нельзя спрятаться, она всегда возьмет свое!

– Правда – это да, она обязательно возьмет... А генеральная цель, насколько я понял: освободить, в конечном итоге, всю Русскую землю от иноземного засилья?

– Да! Ты все правильно понял. Я рад этому.

– Слушай... А чем, в таком случае, вы отличаетесь от тех же «скинов», «фашиков» и прочих наци? У них примерно такая же программа: уничтожить под корень всех «унтермешей» и жить в расово чистом государстве.

– Мы не собираемся никого уничтожать, – отчеканил Руденко. – Мы не отказываем в праве на существование ни одной нации и народности. Более того, мы считаем это право священным, поскольку оно даровано каждому живому существу Природой-матерью и является неделимой составляющей мироздания.

– Ух ты, как завернул...

– Но! – Руденко назидательно вздел указательный палец и погрозил кому-то в пространство. Типа – не балуй, а то накажу. – Есть одно «но».

– Ага! Так я и думал – не все тут просто...

– Нет, иронию можешь задушить втуне, все серьезно и диалектически взаимообусловлено.

– Эээ... А если как-то попроще?

Федина спина издевательски подмигнула «трапецией»:

что, умник, напоролся на фаната-проповедника?!

– Все нации и народности должны обитать в исторически сложившихся границах своих территорий... – Руденко шпарил как по-писаному. – То есть, конкретно у нас – на Русской земле, должны жить и работать русские. Остальные могут приезжать сюда только как туристы: отдыхать, знакомиться с нашими святынями и достопримечательностями или обмениваться культурным и научным опытом. Все иноземцы – на данный момент только по официальным данным это более двадцати миллионов человек – должны немедленно убраться к себе на родину. И жить там, как предписывают их национальные традиции, и в поте лица зарабатывать себе на хлеб насущный.

– Ага... Слушай, а как насчет... эмм... ну, того же «А-студио»? Или, допустим, уникальной методики доктора Назаралиева...

– Да, умеренная миграция научной и культурной элиты вполне допустима. Пусть их лучшие ученые, интеллигенция и культурные деятели едут к нам, если считают, что у нас для них более приемлемые условия. Это очень незначительный процент от общей массы и кроме пользы от этого ничего не будет.

– Ага... А остальные?

– Остальные: чемодан – вокзал – аул. Нам не нужна их наркота. Не нужны их криминальные сообщества, которые совершают на нашей земле более половины всего массива

тяжких преступлений. Нам не нужно, чтобы они брюхатали наших глупых и доверчивых девок, которые будут потом рожать им детей и таким образом растить у нас в тылу «пятую колонну».

– Слушай, а вот такой вопрос... Вот смотри, помимо русских в Федерации есть и другие нации и народности...

– В смысле – даги, чечены и так далее?

– Да.

– Ну так а чем они отличаются от остальных? Чемодан – вокзал – Гудермес! Все – домой, баранов пасти, сельское хозяйство подымать, заниматься тем, что искони предписано историческим укладом. Вот скажи: почему татары массовым порядком не едут в Москву, а живут дома и всю развивают свой Татарстан? Башкиры – то же самое? Молодцы, разве нет? Достойный пример для подражания. Когда мы развалимся...

– А мы развалимся?!

– Обязательно! И не надо делать круглые глаза – рано или поздно это обязательно произойдет, в полном соответствии с историческим законом цикличности и в силу ряда особенностей развития и упадка всех существовавших до нас империй.

– Вообще, верится с трудом. Мы пока что – довольно крепкая страна, так что...

– Ты будешь смеяться, брат: но за год до распада Союза тоже никто не верил, что такое возможно. А Союз был куда

как крепче нашей вконец обнищавшей и насквозь коррумпированной страны. Это была реальная сила, мощь, с которой считался весь мир. Ну и где теперь Союз? Развалился! Так что для России, при том бедственном положении, в котором она сейчас находится – взять и развалиться в любой момент – вообще не проблема.

– Боже, как это горько слышать...

– Ну, тут уж ничего не поделать – это не мы придумали.

Так, на чем мы там...

– Татары-башкиры у себя развиваются...

– А, точно: татары и башкиры – молодцы. Соображают, что по чем. А даги, чечены и прочие – зачем-то прутся в Москву и другие русские города. Ну и на фига эти чабаны прутся сюда из своих аулов? Какая нам польза от них? Ноль процентов. А вред? Сто процентов. Тогда вопрос: зачем они нам нужны?! Домой, домой! Пусть развивают родные горы и долины – а то ведь, когда отвалятся от кормушки, очень быстро сохнут с голоду.

– Так думаешь, все-таки отвалятся? Может, они с нами останутся...

– Да уж куда там! Империя развалится – и все разбегутся по исторически обусловленным пределам. И тогда начнется. Нет – не у всех. Вот татары и башкиры будут в полном ажуре. А у кого на тот момент не случится развитой инфраструктуры и какой-никакой базы – будут бедствовать. Ну, типа, как Грузия сейчас – и это еще не самый худший сценарий.

– Да, сильно... Слушай, ну так в Москве вообще будет пусто – там сейчас сплошь «грачи» и прочие... Одних «мамедов» – под два миллиона.

– Пусто не будет. Пусть в Москву едут наиболее одаренные Вани, Пети и Прасковьи из Воронежа, Урюпинска и Красноярска – и таким образом формируют нашу национальную элиту. Три-четыре поколения поездят, глядишь – и будет элита сплошь русская, без всяких там курчавых и носатых со странными фамилиями. Эта элита нам вскоре очень пригодится – перед лицом грядущих катаклизмов...

– Ну что ж... Сильно, сильно сказано...

– Ну так это же очевидно, разве нет? Почему русские довольствуются ролью статистов и молча наблюдают, как другие нации хозяйничают на их территории?! Или я чего-то упустил? Мы что, проиграли какую-то войну и теперь вынуждены терпеть на своей земле присутствие многомиллионного оккупационного корпуса?! Почему, спрашивается, мы должны мириться с тем, что все бывшие союзные республики поправляют свои национальные бюджеты за счет России? Почему, скажи мне?!

– Ну, в общем-то...

– Да нет, нет ответа на этот вопрос – можешь даже и не пытаться... Ну и, кроме того, скажи: разве двадцать миллионов рабочих мест нам самим не пригодятся?

– Нет, места – это, конечно, здорово... Но ведь есть места, на которые никто из наших просто не пойдет. А если некому

будет улицы подметать?

– Нет плохой работы – есть низкая зарплата, – с готовностью парировал Руденко. – А пусть наши зажавшиеся воры-чиновники будут воровать не каждый день, а через раз, и подумают о повышении зарплаты. Будут платить тридцатник в месяц и дадут льготы – все брошу, сам пойду в дворники!

– Да, хорошо сказал. Добавить нечего, – я достал из кармана вчетверо сложенные листки с «домашними заготовками», развернул их и протянул Руденко. – Взгляни-ка.

– Это что? – со здоровой подозрительностью уточнил Руденко.

– Это списки и статистика. Да ты глянь, там все просто и доходчиво.

– Может, позже? Обязательно это делать прямо сейчас?

– Ну, не знаю... Вообще-то это наш совместный проект, так что неплохо было бы ознакомиться.

– Совместный?

– Ага. Мы – и вы.

– Интересно...

Руденко досадливо нахмурился и принялся изучать мои «заготовки». Мужлан я, мужлан: не дал окончательно расцвести дивному тюльпану комиссарского красноречия. Товарищ только во вкус вошел, настроился, наверное, до сумерек вещать, а тут какой-то паршивый проектишко...

– Так... И что это у нас такое?

Я в двух словах объяснил: это наши иноземцы и те самые

курчавые товарищи со странными фамилиями – из списка наилучейших богачей России, плюс наиболее известные авторитеты и вожди этнических ОПГ (все данные – из интернета, эти вожди почему-то не сидят в своих республиканских тюрьмах, а гуляют здесь у нас). Отдельный список, обведенный фломастером – Южнопортовская ОПГ. А последний абзац – список мерзавцев нашего города, возглавляемый судьей.

– Так... А в чем суть проекта?

– Вообще-то, думал, ты сам догадаешься.

– Я недогадливый.

Да нет, товарищ вполне сметливый и сразу все понял – просто прикидывается. Не нравится ему такой подход.

– Если оперировать вашими понятиями – это командование того самого оккупационного корпуса, который бесчинствует на территории нашей Родины. То есть люди, которые рулят всем иноземным бизнесом у нас в стране, а также наркоторговлей и организованной преступностью. И – трошки наших «полицаев» – пособников оккупационного режима.

– Я понял, кто это. Но... я не понял, в чем суть проекта?

– Одни мы не справимся. Взрослых у нас меньше сотни, остальные – юнги и совсем пацанва. Супостатов по этому списку – немногим более ста человек. Если вы нам поможете и подключите свои ближайшие филиалы, получится примерно полтора десятка бойцов на одну персону. То есть у нас будет более сотни вполне работоспособных боевых групп. За

обучением дело не станет, – солидный кивок в сторону Фе-ди. – Специалиста по диверсионно-разведывательной специ-фике нам искать не придется...

– Погоди... Ты что, серьезно?

– Вполне! – нет, фанатично горящего взора у меня не получилось (тут мне с Руденко не тягаться), но говорить серьезно и увесисто я умею. – Подготовимся, спланируем все по пунктам, отрепетируем. Сработаем разом по всему «командному составу» – внезапно, дерзко, безжалостно. Перех... всю эту мразоту – будет огромная польза для Отече-ства.

– Пффф... – Руденко неодобрительно покачал головой. – Если вы решили так приколоться – плохая идея. Не смешно ни на грамм.

– С чего ты взял, что это должно быть смешно? – я про-должал хранить монументальную серьезность. – И почему идея плохая?

– Да ну, прекрати! Откуда вообще такая идея возникла?

– Что значит – «откуда»? А разве она не напрашивается сама собой, как закономерный вывод из ситуации? Смотри последний листок – там статистика.

– Ну, смотрю – и что?

– Личный состав «Легиона» по России, если округлить, где-то в пределах десяти тысяч, так?

– Ну, это ты совсем лихо округлил! Если около шести ты-сяч наберется – со всеми неофитами – и то будет славно.

– Да это для удобства подсчетов. Пусть будет десять – не принципиально ведь?

– Смотря что считать. Может быть, напротив – как раз очень даже принципиально.

– Считать будем соотношение «легионеры-враги».

– Ну, в общем...

– Короче. Если вас – вместе с нами – будет десять тысяч, а иноземцев, как ты верно заметил – двадцать миллионов. Что у нас получается по соотношению?

– Один к двум тысячам, – мгновенно высчитал Руденко. – И что?

– То есть, на одного «легионера» – две тысячи иноземцев. Если с данным соотношением просто гонять эту публику из разных «Ацетонов» – можно развлекаться таким образом до конца жизни. Если не гонять, а сразу пойти на крайности – убивать, например – патронов не хватит. Да они просто пробегутся разок – двадцать миллионов по одному нашему тумену² – затопчут ненароком и не заметят, что нас тут вообще стояло!

– Не нравятся мне такие подсчеты и аналогии... – Руденко недовольно поджал губы и вернул мне листки.

– А мне, думаешь, нравятся? Да я сам в шоке! Однако наше «нравится – не нравится» и прочие эмоции вряд ли помогут разругать создавшуюся ситуацию, верно? Так вот, ес-

² ТУМЕН – организационно-тактическая единица монголо-татарского войска в XII-XIV вв. численностью 10 тыс. воинов

ли мы реально собираемся что-то делать, закономерно напрашивается вывод: гораздо проще уничтожить «командование» – сто человек, чем перебить собственно весь оккупационный корпус в составе двадцати миллионов. Сто групп по пятнадцать бойцов, два месяца подготовки, одновременный удар – разом, одним железным кулаком...

– Слушай, ну хорош уже прикалываться! – Руденко начал наливать нездоровым багрянцем. – Это вы, типа, подье... нас решили?

– Да нет же, нет! – я аккуратно свернул листки и спрятал в карман – как нечто действительно ценное. – Просто мы рассматриваем систему в целом и ее локальные проявления в нашем конкретном случае: что мы с вашей помощью можем – пусть гипотетически, а чего явно не можем – даже теоретически. Если мы готовы действовать без колебаний, идти до конца и положить свои жизни на алтарь борьбы за свободу Отечества, гипотетический вопрос закономерно перетекает в реальную плоскость. Мы можем подготовить сто групп и нанести удар по сотне главарей? Вполне! Насколько этот удар будет эффективным и каковы будут наши жертвы – это уже другой вопрос. Но ЭТО мы можем. А вот уничтожить двадцать миллионов иноземцев – не можем. Ни при каких обстоятельствах. Даже если просто попробуем – от нас отвернутся свои же соотечественники. Ну, и какой вывод можно сделать из сложившейся ситуации?

Заметили: вопрос уже не совсем риторический, он этак

ненавязчиво требует ответа.

Руденко ненадолго впал в ступор: во взгляде его читалось легкое смятение и крайняя степень недовольства. Не ожидал комиссар, что будет втянут в такую неудобную дискуссию на ровном месте. Это ведь его прерогатива: вещать, внушать и навязывать всем подряд идеологически выверенные ориентиры «легионной» морали.

Я воспользовался моментом и мимоходом осмотрелся: как присутствующая публика оценивает мое выступление?

«Стрелки легионные» – вы не поверите, мне явно симпатизируют. Нравится людям то, что я предлагаю, и не надо для этого быть опытным педагогом и психологом: лица их выражают солидарность и одобрение.

Крылья Фединой спины изогнулись в недоумении: эээ... а ты не перемудрил ли, вещун ты наш доморощенный?

Бормана перспектива явно заинтересовала: он развернулся в нашу сторону, взгляд подернут этакой недвусмысленной мечтательной дымкой: вот бы прямо сей момент началась война... Порезвились бы! И, что главное – не пришлось бы отвечать за «крышу»...

Рома в оценке не участвует: он на мяче сосредоточился.

– Извини, но... это все-таки похоже на глум, – Руденко выпал из ступора. – Как-то все это несерьезно...

– А ты тоже извини, но вот такая позиция – это очень похоже на «отмазку». Нет, я понимаю: это неожиданно, необычно и неудобно... Ну хорошо, не готовы вы к таким

масштабным действиям, не созрели еще... Ну так давайте сделаем что-нибудь попроще и реальнее.

– Что именно?

– Давайте совместно хлопнем верхушку Южнопортовской ОПГ.

– Не понял... А при чем здесь Южнопортовская ОПГ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.